

А.И. ФЕДОРИЩЕНКО

ПОНЯТИЕ «КАТЕГОРИЯ» В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

МОНОГРАФИЯ

Государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Российская таможенная академия»

А.И. Федорищенко

ПОНЯТИЕ «КАТЕГОРИЯ»
В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ
ТРАДИЦИИ

Монография

Москва
2016

УДК 1 (091)
ББК 71.1
Ф33

Рецензенты:

Г.И. ГЕРАСИМОВ, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, доктор философских наук, профессор;

Л.В. ВАЖЕНИН, доцент кафедры гражданского права Российской таможенной академии, кандидат философских наук, доцент

Федорищенко А.И. Понятие «категория» в историко-философской традиции: монография / А.И. Федорищенко. М.: РИО Российской таможенной академии, 2016. 88 с.

ISBN 978-5-9590-0879-6

В монографии на основе критического анализа истории категориальных учений впервые исследуется традиция понимания диалектических категорий как философских понятий предельной общности и ее последствия для конституирования современной методологии научного познания. В работе рассмотрены проблемы соотношения категорий и философских, научных, общенаучных понятий, а также логической формы существования категорий в мыслящем сознании и условия их необходимого обнаружения.

Предназначена для специалистов в области методологии научного познания, преподавателей, научных сотрудников, а также может представлять интерес для аспирантов и студентов Российской таможенной академии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
----------------	---

Глава I

КЛАССИЧЕСКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИЙ: ИСТОКИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

1.1. Первоначальный смысл термина «категория»	9
1.1.1. Классификация интерпретаций аристотелева понимания категорий	10
1.1.2. Анализ значения термина «категория» в трудах Аристотеля	12
1.1.3. Категории как «роды сущего»	15
1.1.4. Роды сущего и роды в сущем	18
1.1.5. Категории как «роды сказывания» о бытии. Понятия и категории в философии Аристотеля	20
1.2. Истоки традиционного понимания категорий как понятий	30
1.2.1. Категории как формы телесно-сущего в высказывающем мышлении	30
1.2.2. Категории как родовые понятия	35
1.2.3. Категории как универсалии и первые идеи	39
1.3. Категории как логические понятия и формы мышления	42
1.3.1. Кант. Новое понимание категорий	42
1.3.2. Формальное и содержательное определение категорий в философии Канта	48
1.3.3. Логическая форма категорий в трансцендентальной философии	51

Глава II

ТРАДИЦИЯ ПОНЯТИЙНОЙ ТРАКТОВКИ КАТЕГОРИЙ В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

2.1. Итоги традиции понятийного толкования категорий в философии Гегеля и материализм	56
--	----

2.2. Материалистическое понимание природы мышления и диалектико-материалистические принципы анализа категорий диалектики.....	59
2.3. «Очевидность» категорий и диалектический материализм.....	62
2.4. Категории и понятия. «Превращенная» форма категорий.....	72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	78
БИБЛИОГРАФИЯ	80

ВВЕДЕНИЕ

Исследование проблем материалистической диалектики как логики и теории познания в современных условиях отвечает возрастающим требованиям общественной практики и научного познания. Глобальные масштабы преобразовательной деятельности человечества требуют научного отношения к действительности. Перед человечеством стоит грандиозная задача по изменению мира, но изменить его можно лишь в соответствии с его собственными законами. Поэтому особенности современной эпохи следует характеризовать в логическом плане как становление научно обоснованной деятельности.

Время стихийных социальных движений, стихийного «обмена веществ» между природой и человеком уходит в историю, и это ощущается особенно остро на этапе становления ноосферной цивилизации. Поэтому философский анализ научно-теоретической формы знания, анализ самых тончайших формообразований мышления ни в коей мере не является схоластическим занятием или пресловутым сциентизмом. Это не чисто науковедческая задача, а логическое исследование важнейшей характеристики современной эпохи: формирование научно обоснованной человеческой деятельности, частью которой является научно-теоретическая форма отношения человека к объективной действительности.

В этом смысле диалектика является логическим выражением преобразующей деятельности человека, противоречивого характера социальной практики, и анализ ее тесно связан с насущными проблемами современности.

Социальная значимость философии во многом определяется ее методологической функцией в качестве науки о форме знания, которая представлена категориальной структурой мышления, сложившейся в исторической практике познания и преобразования объективной действительности. Этим объясняется актуальность исследования категорий в современной философской мысли.

Создание систематически понятой диалектической логики как системы категорий, начатое еще Гегелем, продолженное в идейном поле диалектического материализма, сегодня легкомысленно отодвинуто в сторону. Не вдаваясь в причины подобного отношения к указанной проблеме, отметим отсутствие серьезной научной аргументации отказа от диалектико-логической традиции изучения научного мышления и в более широком смысле – научно обоснованной деятельности.

Одно из важнейших препятствий для решения задачи создания систематически понятой диалектической логики – отсутствие четкого определения понятия «категория диалектики». Вряд ли стоит доказывать важность такого определения для создания стройной системы категорий, отражающей научно-теоретическую форму познания и практической деятельности. Однако работ, посвященных этой проблеме, не так уж много.

Традиция определения категорий как понятий насчитывает многие сотни лет и связана, прежде всего, с идеалистическими системами философии (достаточно напомнить такие важнейшие вехи категориальных учений, как философия Канта и Гегеля), развивавшими в превращенной форме идею активности человеческого познания.

В противовес идеализму материалистическая философия в ее домарксистской (метафизической) форме, по сути дела, снимала проблему категорий сведением их к общим понятиям, возникающим в процессе переработки чувственных представлений в индивидуальном опыте. Естественно, что в первые годы советской власти, когда перед философами-марксистами встала задача систематического освоения историко-философского и, в целом, культурного наследия с позиций диалектического материализма, на первый план выступил анализ понятийной формы категорий. Эта проблема связывалась с переосмыслением понятия вообще, что позволило в определении категорий резко отмежеваться от всех форм идеализма, а также избежать грубо-натуралистического представления о них. В этой их «очевидной» (понятийной) форме категории и стали элементом философских исследований. Однако дальнейшее использование категорий в таком понимании столкнулось с рядом трудностей и противоречий.

При определении методологической функции философии, ее отношения к другим наукам, при определении источника продуктивности философского знания (в каком смысле философия является обобщением наук и социального опыта?) прежде всего остро встал вопрос о соотношении категорий диалектики и категорий конкретных наук.

Понятийная форма знания указывает на объективную направленность мысли. В этом смысле категории как понятия должны отражать определенные стороны объективной действительности и выполнять, по существу, функцию, аналогичную, например, понятиям естественных наук. Но тогда неясно различие между категориями диалектики и понятиями других наук. Простое указание на всеобщность содержания категорий, в основе которого лежит формально-логическое понимание всеобщего как наиболее общего, не решает вопроса, так как мыслимые при этом в категориях признаки оказываются абстрактными и неопределенными. К тому же такое определение не дает ясного представления о критериях категориальности того или иного понятия, в результате чего оказывается возможным объявлять категорией значение любого слова, обладающего абстрактной общностью. Указание на особого рода существенность категорий также неудовлетворительно, так как остается открытым вопрос о критериях существенности. Кроме того, туманно различие категорий диалектики и других философских понятий.

В силу обозначенных выше причин в определении категорий противоречие еще более обострилось: чем отличаются категории от понятий, если сами они суть понятия? То есть встал вопрос об уточнении понятия категории вообще, которое, как оказалось, невозможно вне анализа логической формы существования категорий.

При попытках ответа на этот вопрос стали делать больший акцент на тот факт, что категории являются формами мышления. В связи с этим характерно замечание, сделанное В.И. Черновым: «Философские категории, вопреки существующим определениям их, являются, прежде всего, формами мышления, которые в понятиях выражаются лишь в концентрированной форме... Если в категориях видеть только понятия, то к указанному различению категориальных и некатегориальных отношений в сфере самой философии нет никаких дорог»¹.

Однако анализ категорий преимущественно как форм мышления при сохранении их понятийной формы привел к таким апориям, удовлетворительное решение которых на материалистической основе оказалось возможным лишь при отказе от определения их как понятий: как категория, будучи по логической форме понятием, может быть особой формой мышления, отличной от понятия?

В итоге, например, киевские философы приходят к необходимости различать категории и понятия. С.В. Васильев отмечает еще и такую трудность материалистической трактовки категорий как форм мышления с сохранением их понятийной формы: всякий ли человек имеет понятие причинности? Данные исследований детского и первобытного мышления обнаруживают отсутствие общего понятия причины, однако фактом является способность, например, ребенка устанавливать в своем сознании причинно-следственную зависимость².

В итоге делается вывод, что, обладая категориями, человек не обязательно имеет понятие о них, и, следовательно, категории и понятия не одно и то же.

Однако по отношению к приведенному примеру уместен такой вопрос: а означает ли умение в практических ситуациях устанавливать причинно-следственную зависимость наличие соответствующей категории мышления? Приведем по этому поводу замечание К.Р. Мегрелидзе: «Следует, однако, спросить: действительно ли необходимы какие-то особые категории мышления для того, чтобы осмысление вещей и решение ситуаций было бы вообще возможно?... Чтобы, например, полуторагодовалому ребенку разобраться в простой ситуации и разумно решить элементарную задачу положения, ему не нужны категории мышления, да и он не имеет их (как и некоторые животные, судя по данным хорошо проверенных экспериментов)»³.

Независимо от того или иного объяснения отмеченного факта различение категорий и понятий остается проблемой, требующей своего решения, к тому же невозможно просто отмахнуться от того обстоятельства, что традиция трактовки категорий как понятий насчитывает многие сотни лет. Решение этой проблемы важно и потому, что в настоящее время широко распространено недоверие

¹ Чернов В.И. Анализ философских понятий. М.: Наука, 1968. С. 4.

² См.: Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления. Киев: Наукова думка, 1980. С. 67.

³ Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси: Мецниерба, 1973. С. 258.

к продуктивности категориального анализа в научном мышлении во влиятельных философских школах на Западе. Характерно сомнение, высказанное Берtrandом Расселом: «Что именно подразумевается под словом «категория» у Аристотеля, Канта и у Гегеля, я, признаться, никогда не был в состоянии понять. Я лично не верю, что термин «категория» может в какой-либо мере быть полезен в философии как представляющий ясную идею»¹.

Отвлекаясь от мотивов этого заявления, мы должны все-таки отметить продуктивность сомнения, нацеливающего мысль на доказательство категорий как особой логической реальности, несовместимого с доверием к их «очевидности».

Нам кажется, что условием указанного доказательства, условием различения категорий и понятий является исследование того, как, при каких обстоятельствах и при решении каких задач, приходит человек к необходимости осознания такой реальности как категории. Этим и определяется цель нашего исследования: выявление условий научно-философского понимания сущности категорий диалектики путем критической проверки традиционной дефиниции их как понятий на материале истории категориальных учений.

Советскими и российскими учеными был опубликован ряд работ, в которых ясно осознавалась неудовлетворенность расхожими определениями категорий. Особый интерес вызывают работы киевских философов: В.И. Шинкарука, С.Б. Крымского, С.А. Васильева, В.Л. Храмовой, Л.В. Озадовской и других, уделявших преимущественное внимание анализу категорий как форм мышления. Интересными были попытки определения категорий у П.В. Копнина, В.С. Библера, Д.С. Попова, В.П. Тугаринова, В.И. Чернова, которые, по существу, подготовили проблему в ее современном значении.

Важные характеристики логической природы категорий выявили исследователи диалектико-логического мышления, формы и содержания мышления: Э.В. Ильенкова, М.К. Мамардашвили, З.Ф. Оруджева и др.

Продуктивные схемы анализа категорий предложили А.К. Науменко, В.Н. Сагатовский и другие, связав формы мышления с формами практической деятельности. А.П. Шептулин, М.И. Конкин, А. Маилов, М.Х. Хасанов и другие, рассматривая категории в их исторической связи прежде всего как «ступени» познания, подводили тем самым проблему категорий и понятий к определенному решению.

Таким образом, избранный аспект исследования опирается на уже накопленное философской наукой знание.

¹ Рассел Б. История западной философии. М.: Иностранная литература, 1959. С. 220.

Глава I

КЛАССИЧЕСКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИЙ: ИСТОКИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

1.1. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ТЕРМИНА «КАТЕГОРИЯ»

Экспликация первоначального смысла термина «категория» в его отношении к философским и логическим проблемам является важной задачей на пути определения понятия категории. Кажется совершенно очевидным, что единственно правильный путь к достижению этой цели лежит через выявление аристотелева понимания категорий.

Однако существует еще два пути, противоположных указанному.

Это, во-первых, путь анализа языковых значений термина «категория» с дальнейшей попыткой увязать их с задачами философских исследований. Он имеет подчиненное значение. Это всеми всегда ясно осознавалось. Мы же добавим, что языковое значение термина «категория» приобретает конкретный метафизический смысл лишь в философии Аристотеля и выражает этот смысл, говоря словами Аристотеля, лишь «привходящим образом» (что учитывается не всеми в должной мере).

Во-вторых, надо отметить попытку выводить представления о категориях из доаристотелевских систем философии. Учение же Аристотеля о категориях квалифицируется в таком случае как – «наряду с...», как еще одно учение о категориях (правда, очень важное). Такой подход довольно ясно выражен у Э. Гартмана в его «*Kategorienlehre*», где он пишет: «После того как греческие философы до Платона больше наощупь находят категории, выделяются впоследствии непосредственно в школе Платона десять категорий, которые Аристотелем используются как найденные и до последнего времени устанавливаются в псевдоаристотелевском сочинении о категориях»¹.

Лосев А.Ф. в статье «Категории» в Философской энциклопедии, также, начиная с анализа термина «категория» в его языковых значениях, переходит к анализу элементов, начал в доаристотелевских системах философии, которые Лосевым определяются как категории, и лишь затем приступает к анализу аристотелевых

¹ *Hartman Ed. Kategorienlehre. Bd I. Leipzig: Verlag von Felix Meiner, 1923. S 9.*

категорий¹. Этот второй путь также не выдерживает критики, ибо, как уже было отмечено, «категория» становится метафизическим и логическим термином именно в философии Аристотеля, и именно отсюда идет традиция философского исследования категорий. Абстрагироваться от этого обстоятельства не представляется возможным.

Таким образом, реализация поставленной нами цели выступает как триединая задача:

- определить смысл и значение термина «категория» в философии Аристотеля;
- указать отношение категорий Аристотеля к сходным с ними определенностям в предшествующей философии;
- соотнести аристотелево понимание категорий с последующими (особенно современными) представлениями по их поводу.

Отсюда становится ясной полезность такой работы, ибо она позволяет устроить критический экзамен нашим сегодняшним представлениям о категориях.

1.1.1. КЛАССИФИКАЦИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ АРИСТОТЕЛЕВА ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИЙ

Обобщающую классификацию возможных толкований учения Аристотеля о категориях дает Brentano в своей работе «Von der mannigfachen Bedeutung des Seienden nach Aristoteles».

Он указывает на три способа интерпретации категорий Аристотеля.

1. Категории – не реальные понятия, а только орудие для деления, в которое должны быть внесены все реальные понятия. Категории суть только точки зрения, согласно которым при разделении объектов мысли понятия должны быть классифицированы.²

2. Категории – понятия, рассматриваемые в отношении к суждению, т.е. предикаты (высшие предикаты)³.

3. Категории – высшие понятия, общие определения сущего⁴.

Большинство исследователей античности, специально занимавшиеся вопросом категорий в философии Аристотеля, например: Берка К., Шандор П.,

¹ Лосев А. Ф. Категории. Философская энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 472.

² См.: Brandis Chr. Handbuch der Geschichte der griechisch-römischen Philosophie. Bd I-III. Berlin: Reiner, 1835. S. 66; Zeller Ed. Die Philosophie der Griechen. Leipzig, 1923. S. 11.

³ См.: Bonitz H. Index Aristotelicus. Berlin, 1955.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии // Соч. В 14 т. Т. 10. М.: Соцэкгиз, 1932. С. 307; Brentano F. Von der mannigfachen des Seienden nach Aristoteles. Freiburg: im Breisgau, Herder, 1862; Prantl C. Geschichte der Logik im Abendlande. Bd. I. Darmstadt, 1955.

Лосев А.Ф., Асмус В.Ф., Ахманов А.С. и др.,¹ практически остаются в границах той классификации, которую предложил Brentano. Правда, здесь необходимы оговорки, ибо исследователей философии Аристотеля – марксистов – отличает принципиальная материалистическая позиция.

Само по себе материалистическое чтение Аристотеля дело довольно тонкое и, как мы убедимся впоследствии, далеко не все исследователи-марксисты справляются с этой задачей. Чаще всего мы сталкиваемся с необоснованной модернизацией учения Аристотеля о категориях, которая проходит под лозунгом следования «духу аристотелева учения». Вот некоторые способы материалистической интерпретации учения Аристотеля о категориях.

Пауль Шандор, например, считает, что категории у Аристотеля: «...представляют собой отражение действительности, вещей, явлений и их связей. Мы не находим в произведениях Аристотеля формулы, которая бы прямо выражала то, что было сказано сейчас о его понимании природы категорий, однако, нам думается, что мы останемся верными духу Аристотеля, если скажем категории – родовые понятия, роды (т.е. генусы)»².

Близкую позицию занимает А.Ф. Лосев, считая, что «Аристотель свою материалистическую тенденцию наряду с идеализмом проводил и в учении о категориях, в специальном трактате «Категории», часто трактуя их как отражение и наивысшее обобщение объективной реальности....»³. Эта позиция наиболее характерна для современных марксистов, так как хорошо согласуется с широко распространенным представлением о категориях: «Категории (от греч. – указание, свидетельство) в философии – основные понятия, отражающие наиболее общие и существенные свойства, стороны, отношения явлений действительности и познания»⁴.

Этот подход приводит иногда к попыткам провести прямые параллели между современным и аристотелевым пониманием категорий. Так, например, Е.К. Чечельницкая в статье «Об определении категорий и их систематизации» пишет: «В нашей литературе наиболее распространенный подход к определению этого понятия состоит в том, что в качестве отличительного признака категорий указывается их всеобщность. Иными словами, категории – это общие или предельно общие понятия. Такая точка зрения ведет свое начало от определения категорий в философии Аристотеля»⁵.

¹ Berka K. Aristoteles. Praha: «Orbis», 1966; Berka K. Über einige Probleme der Interpretation der Aristotelischen Kategorienlehre. Budapest, 1960.

² Шандор П. О логике Аристотеля. Будапешт, 1961. С. 65.

³ Лосев А.Ф. Категории // Философская энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 472.

⁴ Философский словарь / под ред. Розенталя М.М. М.: Полит. лит-ра, 1975. С. 169–170.

⁵ Чечельницкая Е.К. Об определении категорий и их систематизации // Вопросы философии и социологии. Вып. V. Л.: ЛГУ, 1973.

Более гибкую и бережную позицию в отношении категориального учения Аристотеля занимают В.Ф. Асмус и А.С. Ахманов. Так, В.Ф. Асмус, понимая под категориями основные и наиболее общие понятия, выражает это содержание, максимально приближая его по звучанию к аристотелевским определениям. Это придает категориям Аристотеля в интерпретации В.Ф. Асмуса, некоторую двусмысленность. «Категории, – пишет Асмус, – основные роды или разряды бытия и соответственно основные роды понятий о бытии, его свойствах и отношениях»¹. Здесь же он почти буквально повторяет Э. Целлера, хотя последний вовсе не считает категории реальными понятиями. «... в онтологическом плане категории – высшие роды бытия, к которым восходят все его частные стороны и обнаружения; в гносеологическом плане категории – различные точки зрения, под которыми могут быть рассматриваемы предметы и которые не могут быть возведены к единой для всех них, возвышающейся над ними точке зрения»².

В отличие от В.Ф. Асмуса, А.С. Ахманов также максимально приближенно к текстам Аристотеля, на основе анализа его логического учения проводит точное различение категорий и понятий, определяя категории у Аристотеля как роды значений слов³.

На этом мы закончим анализ различных способов интерпретации аристотелева понимания категорий. Теперь уже хорошо видны контуры интересующей нас проблемы. Поэтому, прежде чем присоединиться к какой-либо точке зрения, или не присоединиться ни к какой, нужно сопоставить эти представления с текстами аристотелевской философии, сообразуясь с теми задачами, которые мы поставили себе во введении.

1.1.2. АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНА «КАТЕГОРИЯ» В ТРУДАХ АРИСТОТЕЛЯ

Из всех произведений Аристотеля трактат «Категории» (*Kategoria*) является единственным произведением, специально посвященным проблеме категорий. Но и он «поражает своей изолированностью: в нем нет указаний на связь учения о категориях с другими воззрениями Аристотеля»⁴. Это обстоятельство, некоторые

¹ Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 1976. С. 352.

² Там же. С. 353. Ср.: Целлер Э. История греческой философии / пер. М.М. Каринского. СПб, 1886. С. 173–174: «Все наши понятия подпадают затем (Categ. 4 Top. 1,9) под один или несколько «главных родов высказывания» (γένη или σχήματων κατηγοριῶν или категорий (κατηγορίαι)), обозначающих различные точки зрения, с которых можно рассматривать вещи, тогда как сами категории не имеют над собой высшего понятия, как общего родового понятия».

³ Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 163–165.

⁴ Асмус В.Ф. Указ. соч. С. 353.

филологические различия, а также отсутствие здесь многих элементов логического учения послужили основанием для сомнения в подлинности авторства «Категорий», хотя такой, например, библиографический источник античной литературы, как «Жизнеописание» Диогена Лаэртского, в перечне трудов Аристотеля упоминает названный трактат¹.

Однако к настоящему времени страсти понемногу улеглись, так как достаточно веских аргументов в пользу отмеченного сомнения найдено не было; изредка напоминают они о себе еще таким образом: «Категории» – сочинение не совсем достоверно приписываемое Аристотелю»².

Для нас вопрос об авторстве «Категорий» имеет большое значение. Поэтому мы доступным нам способом также пытались его решить. Сличив самым тщательным образом значение термина «категория» в трактате «Категории» с многочисленными замечаниями по поводу категорий, разбросанными в разных работах Аристотеля, мы пришли к твердому убеждению, что серьезных расхождений в определении категорий в разных по времени написания и по содержанию работах нет. Что же касается очевидной незавершенности работы, а также отсутствия свойственной Аристотелю манеры давать четкую дефиницию предмету исследования, то здесь может быть дано лишь два возможных объяснения.

Во-первых, кому-то удалось неполно, но совершенно точно изложить аристотелево понимание категорий в специальном трактате.

Во-вторых, что наиболее вероятно, «Категории» – отрывок из какого-то логического или метафизического сочинения, который неизвестный издатель в древности выделил по каким-то причинам как самостоятельное произведение и озаглавил в соответствии с содержанием. В обоих случаях оспаривание авторства Аристотеля (при условии, конечно, если не появятся какие-то точные данные о происхождении трактата) не имеет смысла.

В трактате «Категории»³, а также в «Топике»⁴ Аристотель выделяет десять определенностей, называя их категориями:

1. οὐσία, τί ἐστὶ (*ousia, или ti esti*) – в современной философии эта категория обозначается словом субстанция, сущность (οὐσία,) что именно есть что-то (τί ἐστὶ). В качестве примера Аристотель приводит здесь такие имена, как «человек», «лошадь».

2. ποσόν (*Poson*) количество, например, «длина в два, три вершка».

3. ποιόν (*Poion*) качество, например, «белый», «умеющий читать и писать».

4. πρός τι (*Prosti*), по отношению к чему-то, или реляция, отношение, например: «двойное», «половинное», «большее».

¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. С. 213.

² Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 1976. С. 264.

³ Аристотель. Категории // Соч. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 55.

⁴ Аристотель. Топика // Соч. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 358.

5. ποῦ (*Pou*), где или место, например, «в Ликее», «на площади».
6. ποτέ (*Pote*), когда или время, например, «вчера», «в прошлом году».
7. κεῖσθαι (*Keisthei*), находиться в каком-то положении или положение, например, «сидит», «лежит».
8. ἔχειν (*Echein*), обладать, например, «обут», «вооружен»
9. ποιεῖν (*Poiein*), действовать, например, «режет», «жжет».
10. πάσχειν (*Pashein*), страдать, претерпевать, быть пассивным, например, «его режут», «жгут».

В других произведениях Аристотеля число категорий колеблется от трех (в XIV книге «Метафизики») до восьми (в V книге «Метафизики»)¹.

Категории Аристотель определяет то как «роды сущего» (например, в V книге «Метафизики»², в I кн. трактата «О душе»³; сюда же можно отнести некоторые замечания, сделанные в «Физике»⁴), то как роды сказывания о бытии (например, в I кн. «Второй аналитики»⁵, в 9 главе «Тоики»⁶, в I книге трактата «О душе»⁷ и др.), то как роды значений слов (например, «Категории»).

Ниже мы постараемся доказать, что эти определения категорий не только не противоречат, но, более того, существенным образом дополняют друг друга.

Всякого исследователя категорий Аристотеля ожидает масса вопросов, по поводу которых до сих пор нет единого мнения: о числе категорий, о последовательности или порядке в их системе (если таковая имеется), вопрос о принципе, которым руководствовался Аристотель при выделении категорий и др. Однако в центре внимания, конечно же, стоит вопрос о том, какой смысл и значение имеют категории в философии Аристотеля, т.е. вопрос: о содержательном определении понятия категории. Прежде всего, как понимать «объективизм» или «материалистические тенденции» в категориальном учении Аристотеля? Чаше всего это понимают таким образом: у Аристотеля категории – это особые понятия, выражающие (отражающие) объективные сущности (материальные или идеальные), связи, отношения, стороны и т.п. Такое понимание категорий, как уже отмечалось, хорошо согласуется с современными представлениями о них. Но насколько адекватно оно аристотелеву пониманию? Что имеет в виду Аристотель, определяя категории как «роды сущего»? На эти вопросы и предстоит дать ответ.

¹ См.: Prantl C. Geschichte der Logik im Abendlande Bd I. Darmstadt, 1955. S. 207. 356 (примечания); приводится таблица, показывающая, где и каким образом упоминаются категории в произведениях Аристотеля.

² Аристотель. Метафизика // Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1978. V, 7, 1017a 20–25.

³ Аристотель. О душе // Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1978. I, 1, 402a 20–25.

⁴ Аристотель. Физика // Соч. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1978. III, 200в 26–201a 10–15; V, 2 226a 23–в10; VIII, 7, 269a 26–29; III, 201a 8–9.

⁵ Аристотель. Вторая аналитика // Соч. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. I, 22, 83a 20–25.

⁶ Аристотель. Тоика // Соч. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 0 1, 9, 103в–104a.

⁷ Аристотель. О душе ... I, 5, 410a, 10–15.

1.1.3. КАТЕГОРИИ КАК «РОДЫ СУЩЕГО»

Как уже отмечалось, указания Аристотеля на категории как роды сущего можно встретить во многих его произведениях. Например, в трактате «О душе» он пишет: «Быть может, прежде всего необходимо определить, к какому роду (сущего) относится душа и что она такое; *я имею* в виду, есть ли она определенное нечто (*to de ti*) т.е. сущность, или же качество, или количество, или какой-нибудь другой из различных нами родов сущего (*kategoriai*)...»¹.

Мы могли бы привести сейчас и другие цитаты, но, даже сведенные вместе, они говорили бы лишь о том, что действительно Аристотель допускал определение категорий как родов сущего. Нам же интересно было бы выяснить, что именно за «стороны», «связи» или «отношения» отражают категории как роды сущего. Какое место занимают они в сущем как сущем? Какое отношение имеют они к принципам, началам, элементам, формам, причинам и т.п. бытия в философии Аристотеля? Ответ на эти вопросы может дать только «Метафизика».

Уже Гегель обращал внимание на связь «Метафизики» и «Категорий». «Эту часть логики, – писал он, имея в виду трактат Аристотеля «Категории», – можно назвать онтологией, и она входит в метафизику. Эти определения мы, поэтому, встречаем также и в «Метафизике» Аристотеля². Гегелю принадлежит также и наиболее точное определение сути «Метафизики»: «Эту чистую философию Аристотель очень ясно отличает (*Metaph.*, IV, 1) от других наук, как науку о том, что существует, поскольку оно существует, и что само по себе присуще ему, существующему»³.

Мы не станем здесь перечислять вслед за Аристотелем значений, в которых употребляются имена, которыми он называет категории. Само по себе это скрупулезное перечисление не ответит на поставленные нами вопросы, так как здесь мы имеем дело с раскрытием содержания уже выявленной определенности. Иными словами, например, суть бытия качества или количества (определение), но не суть бытия категории как определенности, не понятие категории.

Наш вопрос: в чем суть бытия качества, количества и т.п. определенностей в сущем как предмете первой философии? Какую роль играют категории в сущем как сущем?

Устанавливая отношение категорий Аристотеля к принципам, началам, элементам сущего как предмета первой философии, мы должны заметить, что категории в качестве родов сущего не являются ни началами, ни принципами, ни элементами, причинами, основами и т.п. сущего как сущего. Категории Аристотеля не есть принципы построения первой философии. На это указывает уже тот

¹ Аристотель. О душе // Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1978. 1, 1, 402а 20-35.

² Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2: История греческой философии. Ч. 1 // Соч. В 14 т. Т. 10. М.: Соцэкгиз, 1932. С. 306.

³ Там же. С. 242.

внешний факт, что Аристотель был бы крайне непоследователен, «представляя их по разному и в различных количествах, т.е. не так как понятия материи и формы и т.д., понятые им действительно в качестве принципов», — отмечает, например, П. Шандор¹. Этот внешний факт конкретизируется в сравнении категорий как родов сущего с началами и принципами сущего. Анализируя значения, в которых выступали причины и начала построения истинно-сущего бытия в философии предшественников, Аристотель сводит их к четырем: форма, или суть бытия вещи; материя, или субстрат (*hupokeimenon*); действующая или производящая причина (то, откуда начало движения, которая раскрывается через переход возможности в действительность) и «то, ради чего», или благо как цель.²

Выделяя основные и несводимые причины и начала, Аристотель приходит к двум: материя и форма. Единство этих причин и начал образует субстанцию как первую сущность (первую по существованию и первую по познанию)³.

Субстанция есть чувственная форма существования сущности. Ее становление, возникновение, изменение, движение, гибель и т.п. есть результат игры указанных начал и причин, выступающих в этом становлении в качестве принципов.

На языке первой философии становление есть переход возможности в действительность как осуществление формы в материи, в результате которого неопределенная материя (т.е. 1) лишенность формы и 2) возможность формы) получает определение, форму (становится из сущей в возможности сущей в действительности как субстанция).

Причины и начала являются в «Метафизике» Аристотеля не сущностями, а тем, что можно было бы назвать элементами сущности. Если речь идет о чувственных отдельных предметах, то под «формой» и «материей» понимается то, из чего состоят эти предметы, т.е. их элементы. Если же речь идет об объяснении сущности происходящих в сущем как сущем превращений, то под «материей» и «формой» понимают элементы сущности в качестве причин и начал сущего как сущности, как принципы, исходя из которых может быть объяснен мировой процесс в его целом⁴.

Сущее само по себе, т.е. безусловно сущее, — это сущность как субстанция (1-я сущность). «Ясно поэтому, — пишет Аристотель в VII книге «Метафизики», — что благодаря сущности есть и каждое из тех действий или состояний, так что сущность есть в первичном смысле сущее, т.е. не в некотором отношении сущее, а безусловно сущее... И вопрос, который издревле ставился и ныне и постоянно

¹ Шандор П. О логике Аристотеля. Будапешт, 1961. С. 70–71.

² См.: Аристотель. Метафизика // Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1978. I, 3, 983a 25–30; V, 2, 1013a 25–35.

³ Там же. VII, I, 1028a 30–35.

⁴ Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 1976. С. 223.

ставится и доставляет затруднения, – вопрос о том, что такое сущее, – это вопрос о том, что такое сущность»¹.

Таким образом, сущностная картина действительности как предмет первой философии у Аристотеля строится без привлечения выделенных им категорий в качестве родов сущего. И это вовсе не является результатом научной недобросовестности Аристотеля или недомыслия.

Поскольку Аристотель сознательно строит картину действительности без привлечения категорий как родов сущего, это должно натолкнуть нас на мысль, что проблема категорий возникает в его философии совсем по другим основаниям, нежели те, которые мы привыкли подводить под проблему категорий.

Вообще, попытка рассматривать категории Аристотеля в перспективе их современных определений как понятий, отражающих наиболее общие связи, моменты, стороны и т.п. действительности, требует существенных оговорок. Сами по себе такие определения не могут быть ни истинными, ни ложными по отношению к категориям Аристотеля, так как они еще ничего не говорят о значении категорий в его философии. В том же случае, когда это современное значение категорий изображается как объективное содержание категорий в философии Аристотеля без учета их места в его философии, мы фиксируем искажение, модернизацию аристотелева учения о категориях. Отсюда происходят те упреки, которые делались и делаются его категориальному учению, представляющие собой большей частью простые недоразумения. Ведь мы ждем от Аристотеля выявления в категориях как понятиях внутренней структуры закономерностей и взаимосвязей бытия и мышления. Аристотель обманывает наши ожидания, так как выявляет категории совсем по другим основаниям, нисколько не считаясь с нашим мнением на этот счет.

Нам поэтому кажется, что выяснение вопроса: как в принципе могла возникнуть проблема категорий, – требует предварительного исследования: как возникла проблема категорий в философии Аристотеля?

При этом нам важно сейчас отметить, что сам Аристотель, анализируя предшествующие ему философские системы, не рассматривает выделенные в них определенности как категории.

Ни первоосновы ионийской философии, ни характеристики истинно сущего бытия элеатов, ни знаменитые десять пар противоположностей пифагорейцев, ни даже пять таких важных характеристик у Платона как сущее, движение, покой, тождество и различие, Аристотель не связывает с выделенными категориями². И это нам теперь понятно, так как все указанные определенности есть попытки определения природы сущего.

Но тогда возникает другой вопрос: каков способ существования категорий как родов сущего в объективной действительности? Ведь несомненен тот факт, что

¹ *Аристотель. Метафизика* // Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1978. VII, 1, 1028а 25–30 – 1028в 35.

² *Лосев А.Ф. Категории* // Философская энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 472.

высказанные в категориях определенности суть реальные определенности объективной действительности в философии Аристотеля.

Этот вопрос можно бы поставить и так: как соотносятся между собой роды сущего и роды в сущем, можно ли свести к категориям роды в сущем или наоборот?

1.1.4. РОДЫ СУЩЕГО И РОДЫ В СУЩЕМ

Необходимо разобрать одно бытующее представление о категориях Аристотеля как «высших родах бытия». Если это понимать так, что все относящееся к наличной действительности можно так или иначе подвести под категории, то с этим можно согласиться. Однако чаще всего соотношение между категориями как родами сущего и родами в сущем рисуется как иерархическая лестница бытия, в которой категории (как роды сущего) являются «системой высших родов бытия»¹.

Такая точка зрения кажется нам попросту неверной. Дело в том, что иерархическая лестница возвышения и соподчинения выстраивается у Аристотеля в направлении от первой материи (чистой возможности) к высшей форме (к богу как чистой действительности).

Родовидовые характеристики бытия имеют своим онтологическим эквивалентом форму, т.е. закон, замысел, в соответствии с которым выполняется предмет природой или человеком. В силу этого, родовидовая структура бытия может быть рассмотрена в соподчинении, в основании которого лежат онтологические законы осуществления, становления и т.п. Род в сущем – отношение между единичными вещами и, в конечном счете, – отношение между единичностью и ее общим как законом, по которому выполняется эта единичность. Род вместе с видовыми различиями выступает как определение сути бытия действительной определенности.

Категория (как род сущего) есть также отношение между единичными вещами, их свойствами и состояниями, но общее, устанавливаемое в категории, не является онтологическим законом. Категория не может выступить ни частью, ни, тем более, целым определения сути бытия вещи со стороны ее действительной определенности. В категориях раскрывается не суть бытия вещи, а суть бытия вещи как сущности, качества, количества и т.д. Невозможно и путем простого возвышения по степеням общности прийти к категориям как родам сущего. Родом для человека, например, будет живое существо. Родом для образованного будет знание как таковое, родом для знания – обладание и так далее. Сколько бы мы ни делили родовидовые характеристики, мы не приходим к сущности или качеству. Чтобы стать сущностью или качеством, эти характеристики должны быть вырваны из контекста их родовидовой структуры и рассмотрены как значения сущего. Они должны быть отнесены к предмету, который они выражают не как, например, человек, образованное, четное и т.п., а как сущность, качество, количество.

¹ См., напр.: Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 1976. С. 351–352.

В родовидовой структуре бытия вещь выступает как конкретная сращенность категориальных характеристик в соответствии с онтологическими законами, которые фиксируются в терминах: возможность и действительность, форма и материя. Поэтому возможно иерархическое подчинение категорий как родов сущего родам в сущем. Впрочем, такая иерархия ни в ту, ни в другую сторону в философии Аристотеля не имеет никакого смысла, да и сам он нигде не высказал намерения ее осуществить. И причина этому та, что категории как роды сущего выявляются по другим основаниям, нежели роды в сущем. Категории – указание на нечто существующее или несуществующее (как отрицание существующего, например: не белое) в действительности; то, что существует в себе (καὶ αὐτά), как самостоятельное в смысле чего-то вполне определенного. Роды таких в себе определенностей и есть категории¹.

Аристотель, выделяя множественность значений сущего как категории, не сводит, однако, к ним все значения сущего. Сущее может выступить в значении возможности и действительности, в значении истинного, в значении, наконец, не-сущего или соотнесенного, приводящего, присущего. Значения сущего как его роды характеризуют сущее «в собственном смысле».

Аристотель, различая бытие «в смысле истинного» и бытие «в собственном смысле», пишет: «А так как связывание и разъединение находится в мысли, но не в вещах, а сущее, в смысле истинного отлично от сущего в собственном смысле (ведь мысль связывает или отделяет либо суть вещи, либо качество, либо количество, либо еще что-нибудь подобное)...»². Это сущее «в собственном смысле» есть объективное, чувственно-предметно являющееся сущее. Мысль имеет своим объектом не копии идей, не идеи, а сущее в его предметных формах, фиксируемых категориями.

То, что обозначается в родах сущего, не исчерпывает собой всего сущего (объектом мысли может стать, например, необходимое, тождественное, возможное и т.п.), но за пределами родов сущего не остается никакого сущего. Поэтому всякое определение сущего со стороны его действительной определенности можно подвести под категории.

Аристотель, выясняя, при каких условиях обозначение может быть определением, пишет: «В самом деле, если мы все это принимаем, то необходимо, чтобы определение сути бытия содержало то же, что дано в определенном обозначении; а так будет, если это есть обозначение чего-то единого – единого не в силу непрерывности как «Илиада», или связности, а в любом из них (основных) значений единого; а единое имеет столько же значений, сколько и сущее; сущее же означает то определенное нечто, то некое количество, то некое качество»³. Но и в этом

¹ Аристотель. Метафизика // Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1978. V, 7, 1017a 25–30; VII, 4, 1029b 25.

² Там же. VI, 4, 1027b 30.

³ Там же. VII, 4, 1030b 5–10.

случае категории будут не «системой высших родов бытия», а совокупностью характеристик предметной формы любого определения. Они поэтому и выступают не как «определенное обозначение», а как условие такого обозначения.

В этом смысле Аристотель и называет категории родами, т. к. они есть единство значений сущего со стороны предметной формы своего бытия.

Термины – возможное и действительное, форма и материя, необходимое, случайное, причина и т.п. – Аристотель не называет категориями. Он не видит никакой родственной связи между ними и выделенными им категориями. Указанные термины используются Аристотелем для доказательства самобытности, самостоятельности сущего в его объективной необходимости со стороны онтологических причин и законов, по которым общее существует в самих вещах, и которые объясняют также категориальные характеристики бытия. Будучи по способу выделения и по существу формами обнаружения объективных отношений (в этом как раз и заключена родственная связь их с категориями Аристотеля), эти определенности онтологизируются Аристотелем, выступая в его философии как натуральные законы самой действительности.

Перед Аристотелем проблема объективности человеческого мышления встает в форме предметности мышления. Он раскрывает объективность происходящих в сущем коллизий как их предметность – в противовес учению Платона. Поэтому определения сущего в терминах – возможность, действительность и т.п. – не могут быть поняты в философии Аристотеля как категории. Для этого требовалось бы иное понимание объективности, соответствующее новому конкретно-историческому соотношению мышления и бытия, и мы не вправе требовать этого от Аристотеля.

Итак, мы естественным образом подошли к вопросу о том, какую роль играют категории в человеческом мышлении в философии Аристотеля. С ним тесно связан и другой вопрос: какова логическая форма существования категорий?

1.1.5. КАТЕГОРИИ КАК «РОДЫ СКАЗЫВАНИЯ» О БЫТИИ. ПОНЯТИЯ И КАТЕГОРИИ В ФИЛОСОФИИ АРИСТОТЕЛЯ

В сочинениях Аристотеля, как отмечает Ахманов А.С., нет термина, равнозначного термину «понятие» (*conceptus, notio*), употребляемого в традиционной логике в двух значениях: 1) законченная мысль о предмете или множестве предметов в их существенных признаках – мысль, отвечающая на вопрос «что это?»; 2) любое смысловое общее обозначение термина, любой предикат в форме вопроса «что это такое?»¹.

¹ Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 163.

Понятие в первом значении Аристотель называет: «1) речью о сущности, выражением знания сущности (λόγος τῆς οὐσίας)»¹; 2) речью о форме (виде) (τὸ εἶδος ὁ λόγος)²; 3) логической сутью бытия, «в качестве чего эта вещь обозначается сама по себе»³; 4) определением, понимаемым как речь о сути бытия⁴; 5) определением, понимаемым как знание того, что именно есть что-либо, и сущности⁵; 6) просто λόγος⁶.

Понятие во втором значении, как всякое мыслимое содержание, Аристотель называет просто «мыслимым» – нозмой (νόημα).

«Понятие в первом значении исследуется в логике Аристотеля как реальное определение (ὁρισμός) предмета мысли, и в таком случае оно рассматривается как вид предикации... Понятие во втором значении исследуется лишь в качестве элемента суждения и посылки»⁷.

Сопоставление значений, в которых выступает понятие в философии Аристотеля, с категориями позволяет Ахманову А.С. провести четкое различение понятий и категорий. Правда, он фиксирует логические характеристики категорий в философии Аристотеля лишь с той стороны, как эти характеристики выступают в речи. Ахманов А.С. основывает свое понимание категорий Аристотеля на следующем его рассуждении: «Из слов, высказываемых без какой-либо связи, каждое слово обозначает или сущность (οὐσία), или количество (ποσόν)»⁸ определяет категории у Аристотеля как роды значений слов⁹.

В дальнейшем Ахманов А.С. фактически отождествляет введенное им определение категорий Аристотеля как родов значений слов с определением категорий как родов сказывания о бытии, которое встречается, например, в I книге «Второй аналитики»¹⁰. «Однако, по Аристотелю, роды значения слов или сказуемых...»¹¹ – пишет А.С. Ахманов, употребляя союз «или» как соединительный.

Такое отождествление, на наш взгляд, неправомерно, ибо речевые характеристики категорий смешиваются с их логическими характеристиками.

¹ Аристотель. Метафизика // Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1978. III, 3, 998в 12.

² Там же. II, 2, 996в 8.

³ Там же. VII, 4, 1029в 12–14.

⁴ Там же. VII, 5, 1031а 12.

⁵ Аристотель. Вторая аналитика // Соч. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. II, 3, 90в 30–31; он же. Физика // Соч. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1978. I, 139а 5–9.

⁶ Он же. Физика ... I, 189а 5–9.

⁷ Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 161–162.

⁸ Аристотель. Категории // Соч. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 4, 1в 25 – 2а4.

⁹ Ахманов А.С. Указ. соч. С. 163.

¹⁰ Аристотель. Вторая аналитика ... I, 22, 83а, 21–23.

¹¹ Ахманов А.С. Указ. соч. С. 163.

Однако важно отметить, что уже это первое (в целом верное) приближение к аристотелеву пониманию категорий со стороны анализа формы, в которой роды сущего выступают в высказывающем мышлении, позволяет четко различать категории и понятия. «Если бы под понятиями, – пишет А.С. Ахманов, – разумелись значения слов, то категории могли бы быть названы высшими родами этих понятий. В этом случае категории оказались бы высшими по общности понятиями. Но если под понятиями разуметь мысли о сути бытия предметов, как это имеет место в логике Аристотеля, то категории сами по себе не могут считаться понятиями или родами понятий, а могут быть лишь родами значений слов и родами бытия. Ведь для Аристотеля нет понятий самих по себе, мыслимых отрешенно от соответствующих предметов. Каждое понятие есть понятие какого-либо предмета и мыслимое о предмете становится понятием лишь в том случае, если через него определяется предмет, или, иначе говоря, если в нем раскрывается суть бытия предмета. Если же мыслимое о предмете не содержит определения предмета, если в нем не раскрывается суть бытия предмета, то какой бы общностью это мыслимое не было, оно не может считаться понятием предмета.

Например, в суждении «человек – белый» «белый» сказывается о человеке не как определение человека и даже не как часть определения человека, а только как качество его. Следовательно, в этом суждении термин «белый» не выражает понятия. Как говорит Аристотель, здесь «белый» сказывается только как имя (ὄνομα), но не как понятие (ὁ λόγος)¹.

Напротив, в сказывании об определенном человеке, что он есть человек, термин «человек» содержит определение предмета мысли и тем самым его понятие. Здесь, по выражению Аристотеля, «человек» сказывается не только как имя, но и как понятие². Таким образом, та или иная нозма (содержание мысли) может быть понятием или частью понятия в зависимости от того, как она соотносена с предметом мысли – в качестве ли раскрывающей суть бытия предмета мысли, иначе говоря, в качестве ли знания, отвечающего на вопрос: что именно есть что-то, или иным образом. Нозма может стать понятием только в качестве раскрытия сути предмета мысли, в качестве того, что Аристотель называет определением³.

Итак, понятие, согласно Аристотелю, есть определение. В языке оно выступает как речь, т.е. как определенная связь имен и глаголов. При этом она есть осмысленная «высказывающая речь». «Речь, – читаем мы у Аристотеля, – есть такое смысловое звукосочетание, части которого в отдельности что-то обозначают как сказывание, но не как утверждение или отрицание; я имею в виду, например, что «человек» что-то, правда, обозначает, но не обозначает, есть ли он или нет; утверждение же или отрицание получается в том случае, если что-то

¹ Аристотель. Категории // Соч. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 5, 2а 29–34.

² Там же. 5, 2а 29–34.

³ Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 165

присоединяют»¹. Однако не всякая речь есть высказывающая речь, а лишь та, «...в которой содержится истинность или ложность чего-либо; мольба, например, есть речь, но она не истинна и не ложна»².

Таким образом, языковой реальностью понятия является высказывающая речь, как такое сочетание значений слов, в котором содержания мысли соотносятся с действительностью в форме утверждения или отрицания и могут быть истинными или ложными. Именно этот тип языковой реальности является предметом логического анализа. Точнее говоря, указанная языковая реальность есть логическая реальность³, которую современная логика обозначает термином: суждение.

Язык вообще есть то, в чем как в первом обнаруживается бытие. С другой стороны, язык – это непосредственное бытие мышления. Выявление в языке и его строении форм мышления и необходимого следования, как условий выражения средствами языка объективно-необходимого следования, и составляет логическое содержание высказывающего мышления, которое у Аристотеля, несмотря на неразработанность его терминологии, нигде не смешивается с грамматическим или синтаксическим анализом. Поэтому понятие, то есть мысль о сущности предмета, выступает в языковой форме как речь, а в логической – как высказывающая речь или как вид суждения о предмете, отвечающего на вопрос, что именно есть предмет. Понятие есть знание.

В отличие от понятий, категории, в языковом плане, не могут быть речью, а в логическом – высказывающей речью или суждением. Категории закреплены в значениях слов. Они выступают не как полные значения слов, а как то, что можно было бы назвать значением значений. В этом смысле они могут быть названы родами значений слов. Здесь они обозначают не предмет и соответствующее ему представление (ведь каждое слово в его изолированности является простым обозначением или знаком представления и соответствующего ему предмета или любой его определенности)⁴, а предметную форму простого обозначения. Иными словами, всякое слово, независимо от его конкретного значения, обозначает либо сущность, либо качество и т.п.

Следовательно, категории есть выражение предметной формы простых представлений, которым соответствуют онтологически простые определенности, как предметная форма сущего. Так что даже такие слова, как причина, необходимость, или печаль, радость имеют предметную форму своего выражения (причина и необходимость – это характеристики второй сущности, которая не существует

¹ *Аристотель. Об истолковании* // Соч. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 4, 16в 25–30.

² *Там же.* 4, 17а–17а5.

³ В современной логике она обозначается терминами: «суждение», «предложение». Аристотель, выделяя ее как форму мышления, называет по способу выражения «высказыванием» или «высказывающей речью». См.: *Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля.* М.: Соцэкгиз, 1960. С. 167.

⁴ *Аристотель. Об истолковании* ... I, 16а–16а10.

помимо первой сущности – единичной вещи; печаль и радость – состояния такой сущности, как человек).

Категории, таким образом, выступают как интенциональная (содержательная) характеристика значений слов, а не экстенциональная (объемная).

Для правильного представления о категориях необходимо уточнять соотношение языковых и логических форм в философии Аристотеля, так как он пользуется одними терминами для обозначения и языковой и логической реальности (точнее говоря, Аристотель анализирует лишь те формы языка, которые имеют характер условий логической связи, и потому не видит нужды вводить специальные термины).

Грамматические формы безразличны к выраженному в них содержанию. Лишь в этом случае они и выделяются как грамматические формы. Слово, во-первых, материальный носитель представления: звук или созвучие; во-вторых, знак представления и соответствующего ему предмета, т.е. имя. Здесь не устанавливается отношения между предметом и представлением. Слова, сказанные без какой-либо связи, суть просто имена или глаголы. Имя выражает субъект или объект действия, а глагол само действие¹. Поэтому даже самые общие значения слов будут ни чем иным, как наиболее общими именами. Так они и выделяются в современной грамматике. Например, имя существительное (что такое? кто такой?), имя прилагательное (какой? какие?), имя числительное (сколько?), глагол (что делает?) и его формы.

Указанные формы суть элементарные единицы речи. В своей совокупности они охватывают все, что может стать предметом речи, а, следовательно, и мысли. Но грамматические формы, как уже было сказано, имеют ту особенность, что они безразличны к содержанию. Нетрудно заметить связь категорий Аристотеля с грамматическими формами. Так, имени существительному соответствует сущность, имени прилагательному – качество (качественное прилагательное), относительному прилагательному – категория соотносительного, краткому прилагательному соответствует категория обладания, глаголу – категория активного действия (активная форма глагола), категории страдания соответствует пассивная форма глагола, наречию – время (наречие времени), наречию места – категория места, деепричастию (сидя, лежа) – категории положения или существительное (сидение, возлежание), имени числительному – количество (количественное числительное).

Сам факт соответствия категорий частям речи наталкивает на интересные размышления, которым здесь, однако не место. Это соответствие указывает лишь на источник происхождения категорий Аристотеля, но не дает основания считать их грамматическими категориями или считать, что Аристотель смешивал

¹ *Аристотель. Об истолковании* // Соч. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 1, 1а 15–1в 10.

логические и грамматические категории¹. Что это не так, доказывает уже анализ его «Категорий», где, казалось бы, наиболее очевиден лингвистический источник происхождения категорий. Так, в имени существительном все что угодно может выступить в качестве сущности. Например, изменяя морфологические характеристики прилагательного «зеленое», мы получаем имя существительное: зелень. И точно так же многие другие части речи могут выступить в языке как имя существительное и наоборот. Напротив, «сущность, – как говорит Аристотель, – называемая так в основном и безусловном смысле, – это та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь...»².

Категория «сущность» не может быть абстрактной формой значения слова в виде имени существительного, т. к. в категории сущности выражается предметная форма сущего в ее отношении к высказывающему мышлению. То, что сказано здесь о сущности, можно отнести ко всем другим категориям.

У Аристотеля мы нигде не встретим различения грамматических и логических категорий, но он нигде и не исследует грамматических форм в их чистоте, а пользуется ими как обобщенной структурой для выделения логических форм, имеющих объективное значение.

Части речи есть элементарные формы выражения любого содержания. Будучи соотнесены с сущим самим по себе и содержаниями мышления, соответствующего сущему, части речи становятся источником категорий. В силу этого категории являются элементарными формами обнаружения сущего самого по себе в высказывающем мышлении, поэтому категории у Аристотеля – это не формы языка, а формы мышления.

«Бытие же само по себе приписывается всему тому, что обозначается через формы категориального сказывания, ибо сколькими способами делаются эти сказывания, в стольких же смыслах обозначается бытие»³, – говорит Аристотель в «Метафизике».

Рассмотрение категорий как условий доказательного (логического) мышления связан у Аристотеля не с анализом их как предметной формы значений слов (хотя такой анализ и необходим), а с анализом их в контексте синтаксической связи. Лишь в связи слов, т.е. в «высказывающей речи» обнаруживается категориальная форма, которую Аристотель определяет как «форму сказывания». Слово, рассмотренное не в его изолированности, а как часть предложения, выступает уже не как простое обозначение, имя, а как сказывание о предмете, сообщение чего-то о нем.

¹ Так, по этому поводу В.Ф. Асмус, например, отвечает: «Неработанность вопроса об отношениях и связях категорий, логических и лингвистических, привела к тому, что найденные Аристотелем категории выступают у него то как категории бытия и познания, то как категории языка». См.: Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 1976. С. 353.

² Аристотель. Об истолковании // Соч. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 1, 1а 15–1в 10.

³ Он же. Метафизика // Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1978. V, 7, 1017а 25.

Причем, безразлично, о предмете действительности или о каком-либо другом содержании, обозначаемом абстрактным значением слова «предмет», вообще о чем угодно. В этом смысле для грамматики безразлично, что выступает, например, предметом определения. Важно, что это есть подлежащее, а сказываемое о нем – просто сказуемое. Поэтому части речи свободно занимают любое место в структуре предложения.

В отличие от них категории являются условиями смысловой, содержательной связи частей предложения. Уже грамматические формы и, в особенности, синтаксические связи являются условиями соотнесения мысли с действительностью, т.е. условиями мыслящего сознания, отдающего себе отчет в действительности своих содержаний. Как отмечает А.С. Ахманов, «...без грамматических форм связи предмета мысли с содержанием мысли и связи мыслей друг с другом не находили бы выражения, а без этих связей не было бы мышления как опосредованного отражения действительности, в котором сознание не просто отражает действительность, а отдает себе отчет в действительности своих содержаний»¹. Однако лишь содержательное соотнесение мысли с действительностью в высказывающей речи, предложении, которое можно определить как истинное или ложное, является у Аристотеля формой доказательного (логического) мышления.

Эта форма связи мыслей друг с другом, отвлеченная не только от конкретных слов, но и от конкретных мыслей, называется в современной логике суждением. В этой элементарной логической форме категории и выступают как содержательные «формы сказывания».

Суждение по Аристотелю – утверждение или отрицание чего-то относительно чего-то – та форма мысли, в которой мысль может быть истинной или ложной.

Суждение может быть истинным или ложным лишь в силу соответствия бытию, т.е. в силу соответствия того, что соединено или разделено в суждении, тому, что соединено или разъединено в бытии². Условием суждения, таким образом, является разнородность бытия. Ибо лишь в этом случае возможно соединение в бытии, а потому возможно соединение и разъединение в суждении.

Категории, как роды сущего, являются условиями выражения в мыслимом содержании многообразия сущего и единого, необходимыми условиями, предваряющими процесс соединения и разъединения в суждении. Они выступают в человеческом суждении как «категориальная схема». Будучи рассмотрены с точки зрения сущего, категории – предметная форма высказывающего мышления, соответствующая предметным формам бытия. Будучи рассмотрены с точки зрения единого, они – «категориальная схема», условие предметного единства высказывания.

Суждения по видам отношения сказуемого к подлежащему разделяются на: 1) определения, 2) сказывания собственного, 3) сказывания рода, 4) сказывания

¹ Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 128.

² Аристотель. Метафизика // Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1978. V 6, 1011бв 31–1017а.

случайного. Эти виды отношения подлежащего к сказуемому впоследствии называли предикабиями. Они, согласно Аристотелю, всегда относятся к той или иной категории¹.

Понятие – вид суждения, т.е. определение, в котором раскрывается суть подлежащего. При этом подлежащим, по Аристотелю, выступает действительный предмет, а не его репрезентант в мышлении.

Категории, как типы сказывания, т.е. типы присущности, обуславливают содержательное подведение определяемого под определение. Нечто присуще или сказывается о другом либо как сущность, либо как качество, либо как определенности других категорий. В зависимости от типов категорий классифицируются и определения. Различение типов категориального сказывания в определениях позволяет отличить сущность от не-сущности.

Таким образом, категории у Аристотеля суть логические условия содержательных характеристик форм мышления, но не являются сами содержанием высказываемого мышления. Содержанием мышления являются понятия и иные формы знания. Категории у Аристотеля не рассматриваются как логические формы. Логические формы – это формы соотнесения мыслей друг с другом, в которых мысль действует осознанным образом.

Поскольку Аристотель пытается установить объективный статус выделенных им формальных характеристик мышления, он вынужден искать источник объективного значения логических форм. Необходимо было найти такие элементы мысли, которые могли бы стать условием соотнесения содержаний мысли с содержанием сущего самого по себе. Обратившись к языку, Аристотель нашел в нем такие элементы, которые жестко обозначают формы обнаружения бытия в познающем мышлении. Они поэтому и выступают в познающем мышлении как категории, т.е. условия объективно-содержательного отношения к предмету.

Категории не являются предметом доказательства в философии Аристотеля. Они – то, что позволяет мысли отдавать себе отчет в объективности своих содержаний; отличать относящееся к субъективной деятельности от действительности, сущего «в смысле истинного», от сущего «самого по себе».

В суждении мысль соотносится с действительностью в форме полагания чего-то существующим или несуществующим, соединенным или разъединенным, присущим или неприсущим, т.е. в форме утверждения или отрицания. Здесь мысль действует осознанным образом, разделяя и соединяя представления и относя их к действительности. Категориальные различения не охватываются формой суждения. Категории здесь присутствуют как содержательная связь субъекта и предиката.

В умозаключении устанавливается логическая связь между отдельными законченными мыслями, причем мысль контролирует свою деятельность, соотнося между собой такие содержания и таким образом, при котором получается

¹ Аристотель. Топпа // Соч. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 1,9, 103в 20–27.

необходимая связь, как выражение связей действительности: причина – носитель причины – следствие. Наконец, соотносится необходимая связь с действительностью в форме суждения – вывода. Здесь категории также присутствуют лишь как внутреннее условие самой этой процедуры.

В понятии мысль соотносит определение предмета со стороны сути его бытия. Понятие есть форма, стремящаяся отделить субъективные формы деятельности от объективного содержания. Понятие всегда содержательно. Оно есть знание. Соотнесение мысли с действительностью в форме выражения самой действительности (а не ее репрезентантов) предельно объективным образом. Оно – знание сущности. Именно в понятийной форме мышления возникает потребность категориальных различений. Однако эти различения проводятся как различения свойств предметов, его конкретных характеристик. Присутствие категорий здесь скрыто конкретными задачами, стоящими при определении сути бытия предмета.

Таким образом, категории не встраиваются в этот ряд форм дискурсивного мышления. Бытие категорий – бытие условий этих форм. Поэтому категории не выступают и не могут выступать как понятия.

В суждении, например, категории выступают как форма сказывания, обеспечивавшая объективно-содержательный аспект соединения субъекта и предиката. Такое соединение дает возможность мышлению соотносить свои содержания с содержаниями действительности, которая имеет, согласно Аристотелю, предметную форму.

Кроме того, что категории являются условиями различения в содержании мысли предметного (относящегося к самому сущему) и истинного (определенных связей мысли), т.е. опосредованного, доказательного мышления, они еще являются содержательными моментами мысли о предмете в его сути. Они выступают как моменты теории предмета, или методологии его познания. Ибо, опираясь на знание категорий, мысль отличает сущность от несущностей, которые, тем не менее, могут выступить в качестве сущности. На этом построена вся «Метафизика» Аристотеля, где он не просто выделяет категории, а опирается на категориальные различения в теоретическом построении предмета первой философии. «Вообще, если искать элементы существующего, не различая множества значений сущего, то найти эти элементы нельзя...», – замечает Аристотель в «Метафизике»¹.

И в самом деле, исследуя философские системы предшественников, их подходы к определению сущего как сущего, а тем самым и науки о нем, Аристотель фиксирует смешение значения сущего, как причину заблуждений своих предшественников.

Для того чтобы построить науку о сущем, т.е. понять его, необходимо знание «сущности» бытия и различения других значений бытия, которые могли бы выступить в качестве сущности.

¹ Аристотель. Метафизика // Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1978. 1,9, 992в 15–20.

Сущее, в безусловном смысле, как основание всего многообразия, есть сущность, – заявляет Аристотель, – а не качество, количество и т.п. В истории же философских учений предшественников состояния сущего выдавались за сущность, да и самого понимания сущности не было. Отсюда огонь, вода, беспредельное и прочие начала или первоосновы сущего не что иное, как качества сущности. Числа пифагорейцев не сущность бытия, а количество сущности и т.п.

Таким образом, только при сознательном выделении категорий, при сознательном отнесении их к бытию, последние являются знанием. Однако соотнесение самих категорий (а не содержательных определений на основе категорий) указывает лишь на предметную форму существования общего в сущем как сущем.

Познание категорий предполагает не уяснение сути предмета, а фиксацию предметной формы понятия. Такой вывод, на наш взгляд, будет более корректным по отношению к аристотелеву пониманию категорий.

Таким образом, категории у Аристотеля – это формы обнаружения сущего самого по себе в высказывающем мышлении, которым в объективной действительности соответствуют простые значения сущего, как предметная форма существования определяющих начал, а в высказывающем мышлении «категориальные схемы» содержательного отношения мысли к предмету. Они закреплены в обобщенных структурах языка не как значения слова, а как схема деятельности по упорядочиванию информационного материала.

Категории не являются понятиями и функционируют в мышлении не как знание, а как принцип содержательного построения знания. Бытие категорий – бытие условия. Категории выступают содержательными моментами построения теории предмета т. к. позволяют отличать в содержаниях мышления сущее «в собственном смысле» от сущего «в смысле истинного».

Обнаружение категорий у Аристотеля связано с анализом языка. Однако этот анализ не объясняет происхождения аристотелевых категорий. Необходимость осознания такой реальности как категория связана с особым пониманием у Аристотеля соотношения общего и единичного, сущего и несущего, результатом которого является фактически теоретико-познавательная постановка основного вопроса философии. Это оказалось возможным потому, что, во-первых, Аристотель попытался соединить общее с единичным в мире становления, движения, множественности, в «мире мнения» (как его определил Парменид); а во-вторых, попытался сделать этот «мир мнения» предметом доказательства. Именно «текучесть» мира чувственных вещей была истоком релятивизма софистов, но именно софистами была поставлена проблема условий доказательного мышления. У софистов она решалась в превращенной форме риторики и эристики.

В русле сократо-платоновской традиции преодолевается релятивизм софистов на основе объективного априоризма, реставрации парменидовского разделения истинно-сущего и неистинно-сущего. Здесь ставится задача объективных оснований доказательного мышления, обосновывается возможность определения. Однако, как отмечает А.С. Ахманов, «...учение Платона об идеях строится как

онтологическое истолкование логических форм понятия и суждения и соответствующих логических отношений и связей отрешенно от действительного мира единичных вещей»¹. Гносеологическая проблема логических форм здесь снята. Познание превращается в мистическое припоминание идей.

Аристотель, соединив мир чувственных вещей с миром истинно-сущим, общее с единичным, вынужден решать проблему условий объективного доказательного мышления. Здесь уже соотносится не мышление (субъективная деятельность) с мышлением (онтологически существующие логические связи), а мышление с бытием.

Познание у Аристотеля не мистический процесс припоминания, а индуктивный путь выхода к неизменной форме в чувственном мире. Поэтому встает проблема форм обнаружения бытия самого по себе, которая и порождает возможность и необходимость вывода категорий из жестких языковых структур в их отношении к логическим формам выхода к предметно существующему сущему. Таким образом, лишь в философии Аристотеля необходимо возникает осознание такой реальности как категория.

Однако ограниченная постановка основного вопроса философии, связанная с конкретно-историческим соотношением мышления и бытия, человека к окружающей его действительности, обуславливает и ограниченное понимание категорий у Аристотелей.

Итак, категории у Аристотеля, их состав, а также их определение не соответствуют современным представлениям о них. В чем же тогда связь между категориями Аристотеля и современным их пониманием?

Этот вопрос необходимо уточнить. Откуда идет представление о категориях как универсальных, основных и т.п. понятиях, какое отношение оно имеет к той реальности, которую выделил Аристотель, назвав категориями, и какую роль играют так понимаемые категории в философском мышлении?

1.2. ИСТОКИ ТРАДИЦИОННОГО ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИЙ КАК ПОНЯТИЙ

1.2.1. КАТЕГОРИИ КАК ФОРМЫ ТЕЛЕСНО-СУЩЕГО В ВЫСКАЗЫВАЮЩЕМ МЫШЛЕНИИ

Представление о категориях как понятиях формируется уже в античной философии. Определенную роль в возможности истолкования категорий как понятий

¹ Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 62.

сыграло своеобразное философское мировоззрение стоиков и связанный с ним пресловутый логицизм их философии.

Анализ стоического понимания категорий важен по двум причинам. Во-первых, стоики – непосредственные преемники категориального учения Аристотеля, что позволяет более точно обозначить ту предметную область, которая впервые выступила в философском сознании под именем категорий. Во-вторых, стоическая интерпретация категорий странным образом порождает возможность переосмысления их с позиций платонизма, что наметилось уже в среднем и особенно позднем стоицизме и осуществилось в неоплатонизме, где категории были сведены к родам умопостигаемых сущностей.

Для того чтобы ясно представить себе особенности стоического понимания категорий, необходимо извлечь из физики стоиков элементы их онтологии. Прежде всего, стоики попытались на основе монистической онтологии (которая у них по существу приобретает форму пантеизма), преодолеть дуализм материи и формы. Если у Аристотеля первоматерия мыслится как чистая возможность, не имеющая определений (ибо, получив определение, она становится действительностью как определенная сущность), то в стоической философии материя определяется как «первовещество», бескачественная сущность единой субстанции мира – телесности. Мир сплошь заполнен телами. Строго говоря, тела есть единственный род сущего, в то время как форма и сила – начала не телесные, а умопостигаемые. Но эти умопостигаемые начала существуют лишь как телесные проявления. Во всем сущем стоики признают два начала: деятельное и страдательное.

«Страдательное начало есть бескачественная сущность, то есть вещество; а деятельное – разум, в ней содержащийся, то есть бог. Он вечен, и он – творец всего, что в ней имеется»¹. Такое учение излагают, по сообщению Диогена Лаэртского, Зенон Китийский в книге «О сущности», Клеанф в книге «Об атомах», Хрисипп в I книге «Физики», Архидем в книге «Об основах», Посидоний во II книге «Рассуждений о Физике».

Мир – это телесное, живое, само себя оформляющее существо, проникнутое божественным дыханием. «Слово «мир», – по сообщению Диогена Лаэртского, – они употребляют тройко. Во-первых, это сам бог, то есть обособленная качественность всей сущности; он не гибнет и не возникает. Он – творец всего мироустройства, через определенное время от времени расточающий в себя всю сущность и вновь порождающий ее из себя. Во-вторых, – само это мироустройство, то есть звездный мир. В-третьих, – это совокупность того и другого. Таким образом, мир – это особая качественность всеобщей сущности; или это построение, включающее небо и землю с их естествами (так говорит Посидоний в «Началах небесных явлений»); или это построение, включающее богов, людей и все возникшее для них»².

¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. VII 134.

² Там же. VII, 137–138.

Таким образом, вместо абстрактной аристотелевской формы форм (бога, неподвижного перводвигателя) стоики выдвигают представление о пронизывающей все материальные тела божественной «пневме» (дыхании), благодаря которой мир оказывается движущимся, изменяющимся, «дышащим». Пневма сообщает миру всеобщую связь и напряжение. Поэтому бог, ум, судьба выступают лишь как телесные силы, хотя в мысли мы их и отделяем от телесности как формы и силы. «Мир устроится умом и провидением (так говорит Хрисипп в I книге «О провидении» и Посидоний в III книге «О богах»). Ибо ум пронизает все части мира, как душа – все части человека. Но одни части он пронизает больше, другие – меньше; а именно, в одних он –сдерживающая сила, например в костях и жилах, а в других – ум, например в ведущей части души. Таким образом, весь мир есть живое существо, одушевленное и разумное, а ведущая часть в нем – это эфир»¹.

При этом бог мыслится у стоиков не как мистическая сила, а как предельно рационализированная сущность: он – ум. «Бог, ум, судьба и Зевс – одно и то же, и у него есть еще много имен. Существовая вначале сам по себе, он всю сущность обращает через воздух в воду; и как в поросли содержится семя, так и бог, сеятельный разум мира, пребывает таковым во влажности, приспособляя к себе вещество для следующего становления»².

Итак, мир един; в своей телесности, конечен и шарообразен. «Его окружает пустая беспредельность, которая бестелесна; а бестелесно то, что может быть заполнено телом, но не заполнено. Внутри же мира нет ничего пустого, но все едино в силу единого дыхания и напряжения, связующего небесное с земным. (О пустоте пишут Хрисипп в книге «О пустоте» и в I книге «Пособия по физике», Аполлофан в «Физике», Аполлодор, а также Посидоний во II книге «Рассуждений о физике»)³.

Тем самым сущим стоики называют лишь то, что телесно. Все остальное существует лишь по отношению к телесности. Тела – единственный род сущего. В человеческой речи и мысли телесно-сущий мир обнаруживается как «нечто».

«Нечто» есть то, что обнаруживается под вопросом (что) и является высшим родом всего, что обозначается высказыванием и мыслью⁴. В этом смысле реальным эквивалентом «нечто» является телесный мир, проникнутый божественным умом. Этот мир един, но в человеческой мысли и речи он выступает в разных значениях.

«Нечто», таким образом, распадается на два разряда умопостигаемых предметов: телесные предметы, или собственно сущее, обозначаемое категориями,

¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. VII, 138–139.

² Там же. VII, 135–136.

³ Там же. VII, 135–136.

⁴ См.: Ueberweg F. System die Logik und Geschichte der Logischen Lehre. Bonn; Bei Adolf Markus, 1882. S. 23.

и бестелесные предметы, к которым относятся пустота, пространство, время, а также (лекта) – родовые понятия, или смысловая предметность слов. Эти два разряда предметностей высказывающей мысли с необходимостью согласуются между собой. Категориальные предметности как обнаружения собственно сущего обозначают максимально реальное, то есть телесность. Напротив, бестелесные предметы, а также чистые предметы мысли (лекта) имеют бытие лишь по отношению к телесному («как бы бытие»).

Категории у стоиков так же, как и Аристотеля, не являются самостоятельно существующими сущностями. Но если для Аристотеля категории есть формы предметного существования самобытных сущностей, то у стоиков они выступают как формы существования единой субстанции мира – телесности в высказывающей мысли.

Категориальные определенности не имеют «материи», субстрата, к которому можно было бы отнести ту или иную категорию.

В едином объекте мысли и речи «нечто» категории обозначают сущее в собственном смысле, то есть телесность, являясь как бы точками зрения, с которых рассматривается тело. «Мысль, характеризующая тело, обладающее известным свойством, дает категорию качественно квалифицированного. В таком представлении тело и свойство тела соединяются в единство. Таково, например, понятие «мудрец». Мысль, в которой уже квалифицированное тело представляется как находящееся в движении или в покое и объединенное с этими представлениями, образует категорию предметов, определенных по качеству или по состоянию. Так, представление о «смертельном яде» есть представление о качественном отношении, а представление «мой сосед» – представление об отношении по состоянию»¹.

Отсюда видно, что учение стоиков о категориях есть классификация тел по формам представлений, в которых эти тела мыслятся.

Второй ряд «нечто» (бестелесные предметы) имеет «как бы бытие» только по отношению к телесному. Поэтому пространство и время не включаются стоиками в число категорий. Страдательное и пассивное относятся лишь к мировому целому в его одухотворенности и также выводятся стоиками из состава категорий. Движение они, как и Аристотель, относят к силам. У Аристотеля движение не имеет самостоятельного субстрата и потому не категория. У стоиков движение как сила – умопостигаемое, божественно-деятельное стремление. К категориям она лишь примысливается, благодаря чему создается цельное, постигающее представление.

Лекта (бестелесные предметы мысли, обнаруживающиеся в родовых понятиях), в которых в чистом виде представлен «логос» мира, также реальны лишь по отношению к родам сущего. Как Ум (космическое начало) проявляет себя только в телесной форме, так и лекта относятся ко всем видам сущего. Родом же для них, как и для категорий, является «нечто» как предмет мысли.

¹ Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 1976. С. 460.

Таким образом, для каждого высказывания и мысли имеется субстрат, делающий эту мысль не беспредметной фантазией и бредом, а обладающей предметным, реальным смыслом. Этим доказывается, что высказывающее мышление не выходит за пределы телесно-существующего мира, что нет такой особой предметности в виде отдельных от тел сущностей и, тем более, эйдосов.

Подводя итоги анализа категорий Аристотелем и стоиками, нужно отметить единое поле исследований, в котором обнаруживается необходимость выделения особой предметности, получившей у древних имя категорий.

По меткому замечанию Ф. Ибервега ¹, категории обозначают формы существования. В приложении к античной философии категории обозначают формы существования наличного, то есть определенного, предметно существующего бытия. В этом смысле и выделяются категории у Аристотеля и у стоиков. Категории – не понятия, не умопостигаемые сущности, а способы, которыми выражается в высказывающей мысли предметно (Аристотель) или телесно (стоики) сущее.

Но, в отличие от Аристотеля, у стоиков еще более ограничена постановка основного вопроса философии. У Аристотеля основная проблема сущего – проблема существования общего как закона, замысла и цели существования той или иной определенности и мирового целого.

У стоиков эта проблема сводится к соотношению души и тела в космическом плане. Таким образом, если у Аристотеля критерий доказательного мышления находится все же за пределами собственно человеческой мысли (что и порождает необходимость введения категорий как посредствующих звеньев), то у стоиков критерий доказательного мышления целиком находится в человеческом представлении. Вопрос стоит лишь о том, как связать постигающее представление, обладающее безусловной реальностью, с размышлением, высказыванием (бестелесной деятельностью).

В силу этого проблема категорий, по существу, сводится к соотношению чувственных и умственных характеристик высказывающей мысли.

Проблема доказательного мышления у стоиков решена в космическом порядке. Подвергая строго рациональному анализу постигающее представление, выявляя в высказывающей речи законы необходимого следования одних мыслей из других, сообразуясь с формальными условиями логической доказательности, человеческий разум, тем самым, воспроизводит мысли вселенского разума.

Акт познания аналогичен актам космического порождения умом мирового целого из бескачественной материи. Категории в этом смысле, взятые сами по себе, могут мыслиться как логические сущности, в соответствии с которыми мысль конструирует образ бытия. Достаточно одного шага в сторону преодоления гиллозоистического пантеизма стоиков на платонической основе – и они

¹ См.: *Ueberweg F. System die Logik und Geschichte der Logischen Lehre*, Bonn: Bei Adolf Markus, 1882. S. 23.

превращаются в логосы, эйдосы, в соответствии с которыми строится сущее уже не только в представлении, но и в космическом смысле.

Этот шаг и был сделан неоплатонической философией, чему в немалой степени способствовала наметившаяся уже в среднем стоицизме и особенно в позднем платонизация стоических идей.

1.2.2. КАТЕГОРИИ КАК РОДОВЫЕ ПОНЯТИЯ

Неоплатонизм является важнейшей вехой в истории категориальных учений. Критика Платином аристотелевского и стоического учений о категориях за эмпиризм и преодоление его на основе модернизированного платонизма явилась предтечей смешения проблемы категорий и проблемы родов, сведения ее к проблеме универсалий.

Тот факт, что философия Платина лежит в основании многих позднейших традиций в понимании категорий, отмечался многими исследователями. Так, например, Блонский П.П. в своей книге «Философия Платина» делает следующее замечание: «...подобно тому, как VI I превращает аристотелевскую проблему категорий в платонову проблему родов, а VI 2 освещает «Софиста» и средневековую философию, так и VI 3 изобилует историко-философским значением: 3 – предтеча средневекового учения об атрибутах и акциденциях...»¹.

Однако, как правило, остается вне поля внимания тот факт, что в философии Платина проблема категорий, по сути дела, снимается. В роли категорий у него выступают родовые понятия благодаря тому, что им придается порождающий смысл.

Плотин как истинный платоник разделяет мир на две части: мир едино-сущий (мир идей) и мир мнения, существующий лишь по подражанию (мир генезиса и множественности). Бытие и не-бытие – два полюса, между которыми находится чувственное, неистинно-сущее. Все его характеристики объясняются причастностью и тому и другому миру.

Поскольку логические отношения не отделяются здесь от онтологических, поскольку мир мнения резко отделен от истинно-сущего, постольку в ортодоксальном платонизме максимально затушеван гносеологический вопрос, а потому не встает проблема категорий.

Однако, после критики платоновских идей Аристотелем, его и стоиков категориальных учений, простое указание на характер чувственных предметов как подражаний был невозможен. Поэтому для Платина вопрос о том, как едино-множественное, приобретал новый смысл – как из единого возникает множественное. Отношение единого к множественному аналогично отношению мышления

¹ Блонский П.П. Философия Платина. М.: Либроком, 2016. С. 359.

к бытию, а точнее – отношению мира умственных предметов к миру чувственных предметов.

Анализ категорий проводится в VI эннеаде 1-3 трактатах¹. В первых двух трактатах VI «Эннеады» (VI, 1-2) категории выявляются исходя из принципа восхождения от множественного к единому, в VI, 3 – от единого к множественному². Восхождение начинается с критики учений о категориях Аристотеля и стоиков (VI I, 1-24 – против Аристотеля, 25-30 – против стоиков).³

Здесь Плотин вводит различение категорий на чувственное и умопостигаемое и с позиций этого различения критикует Аристотеля. Главная ошибка Аристотеля, по его мнению, та, что он не исследовал роды умственного мира: «...следовательно, они не пожелали делить все существующее, но то, что максимально реально, оставили в стороне»⁴.

Критика Плотина предвзята. По сути дела, он критикует Аристотеля за то, что тот не является платоником, но это как раз сознательная позиция Аристотеля, при проведении которой только и возникает проблема категорий. У Плотина же она переводится в проблему порождения сущего его родами. «А каждый такой род (*genos*) Плотин понимает вовсе не изолированно – метафизически, но как живое действие и порождение... род порождает свои виды»⁵.

Не удовлетворяет Плотина и стоическое учение о категориях: во-первых, стоики смешивают «начала» с родами сущего, во-вторых, смешивают материю с вещами, в-третьих, считают начальной категорией потенциальное (материя) и сложное (тело). Таким образом, основной упрек, который бросает Плотин и стоикам, и Аристотелю: из категорий нельзя вывести качественное бытие. То есть, для него необходимо выведение качественного бытия из мира идей (новее по сравнению с Платоном), в то время как для Аристотеля и стоиков оно максимально реально и лишь обнаруживается в высказывающем мышлении, придавая ему предметный смысл.

Проблема у Плотина формулируется так: есть ли сущее единое, может ли сущее быть подведено под единое как свой род и каково отношение между родами и началами?

Сущее Плотин отделяет от единого. Отмечая тот факт, что сущее (здесь не имеющее генезиса, а вечно сущее) и едино и множественно, он объясняет это так: «...существует много координированных родов, из которых каждый охватывает ряд субординированных видов и индивидуумов, все эти роды принадлежат

¹ Блонский П.П. Философия Плотина. М.: Либроком, 2016. С. 227.

² Там же. С. 227–252.

³ Там же. С. 227.

⁴ Там же. С. 228.

⁵ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980. С. 309.

к единой природе, и из них всех образуется для умственного мира соединение, называемое сущим»¹.

Из этого делается вывод, что роды являются и «началами», поскольку их совокупность образует сущее как целое.

Сколько же родов существующего и каков метод их исследования? Ответ дается в VI 2, 4–8². Образ тела создается, когда мы различаем в нем субъект, количество и качество, и, причисляя сюда движение, из этих четырех частей создаем тело, как нечто единое. Такова же процедура и для умственного мира, но абстрагированная от генезиса, протяженности и чувственного восприятия. Таким образом, категории у Плотина выступают как способы, какими в уме создаются вещи, но это в космическом, а не в теоретико-познавательном порядке.

Отделяя от сущего единое (так как оно не род для сущего, лишь начало, «αρχή»), исключая из родов как производное и не соответствующее умственному количество, качество, отношение, место, время, действие, страдание, обладание и положение, Плотин выделяет пять несводимых родов вечно-сущего: сущность, движение и неподвижность, тождественность и различность.

Чтобы мыслить чувственное в его категориях, ему должны предшествовать умственные категории. Если в чувственном мире, например, все находится в несовершенном движении, то, чтобы мыслить его в этих характеристиках (то есть подвести под единое), нужно предположить покой и т.д. Плотин занят теперь сведением единого и едино-сущего к чувственному миру. Проблема стоит так: одни ли и те же роды чувственного и умственного мира? Вывод Плотина определен: телесный мир лишь аналог умственного, «здесьние» роды – аналог «тамошних», но они принципиально отличны от своих прообразов. Как найти их?

Анализ чувственного мира дает: 1) материю, 2) вид, 3) смешанное из них, 4) относящееся к смешанному. Последнее подразделяется на предсказуемое и акцидентальное, которое в свою очередь разделяется на «содержащееся в теле» и «действия», «аффектации» и «последствия».³

Материя и вид не роды: материя – не дифференцированное; вид – не сущность; сущность – составное тело. Составное тело (субъект) имеет предикаты и акциденции. Предикаты определяются лишь по отношению к чему-либо, например, «есть причина», «есть элемент». Акциденции определяются временем и местом (действия и аффектации – это движения, последствия – место тела и время движения).

В итоге выделяются пять категорий чувственного мира: 1) сущность (материя, вид, тело), 2) отношение, 3) качественное, 4) количественное, 5) движение (время и место фактически содержатся во всех этих категориях)⁴. Следовательно,

¹ Блонский П.П. Философия Плотина. М.: Либроком, 2016. С. 230.

² Там же. С. 231.

³ Там же. С. 234.

⁴ Там же. С. 232.

в категориях умственного мира в предельно абстрактном виде создается прообраз телесно-сущего мира, образом которого являются чувственные категории. Хотя вся эта иерархия рассматривается в космическом плане (так что категории оказываются порождающими началами), это построение является как бы моделью теоретического познания, являющегося логическим образом предметно – существующей действительности. Поэтому и способ выделения категорий состоит в выяснении последних оснований мыслимости сущего. Но завоевание этой точки зрения у Плотина имеет своей ценой снятие проблемы категорий, сведение их к родовым понятиям как порождающим началам.

В полном согласии с концепцией Плотина находятся «Комментарии» Порфирия (ближайшего ученика Плотина) к «Категориям» Аристотеля. Именно через это произведение неоплатоническая трактовка категорий и оказала наибольшее влияние на последующие категориальные учения. Более того, именно этому произведению и принадлежит «заслуга» искажения собственно аристотелевского учения о категориях, воспринятое средневековьем, Новым временем и, практически, не преодоленное до сих пор.

Хотя Порфирий и заверяет в 1-й главе: «...я буду избегать говорить относительно родов и видов, – существуют ли они самостоятельно, или же находятся в одних только мыслях, и если они существуют, то тела ли это, или бестелесные вещи, и обладают ли они отдельным бытием, или же существуют в чувственных предметах и опираясь на них: ведь такая постановка вопроса заводит очень глубоко и требует другого, более обширного исследования»¹, тем не менее, сам он дает определенное решение поставленных вопросов путем сведения категорий Аристотеля к проблеме предикабилей. В силу этого неоплатоническая трактовка рода как порождающего начала приобретает у Порфирия логическую форму отношения рода к видам.

Рассматривая отношение между родами и видами, он, в качестве примера, рассматривает категорию субстанции. «То, о чем идет речь, можно пояснить на одной категории. Субстанция и сама это – род, а под нею находится тело, под телом – одушевленное тело, под этим последним – живое существо, под живым существом – разумное существо, под ним – человек, а под человеком – Сократ, Платон и вообще отдельные люди»².

Еще более определенно Порфирий заявляет в другом месте, комментируя Аристотеля: «Таким образом, самых общих родов десять, а для последних видов имеется некоторое – однако же не безграничное – число; что же касается индивидуальных вещей – сюда относится то, что идет вслед за последними видами, – то их число безгранично»³.

¹ Порфирий. Введение к «Категориям» финикийца Порфирия, ученика ликополитанца Плотина // Аристотель. Категории. М.: Соцэкгиз, 1939. С. 53.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 59.

1.2.3. КАТЕГОРИИ КАК УНИВЕРСАЛИИ И ПЕРВЫЕ ИДЕИ

Согласно схоластической философии, категории – это универсалии, или родовые понятия, в которых выявляется созданная единым богом действительность как рациональная форма обнаружения божественного бытия. Бог за пределами категорий. Он нечто иррациональное.

В категориях, таким образом, фиксируется предметный, естественно-природный объект познания. Поскольку бог есть вся действительность, постольку он выступает посредником между субъективной человеческой способностью к познанию и природными формами своего бытия (это единственная доступная форма рационального познания, за пределами которой лежат акты мистического переживания – как особый способ единения с богом). Гносеологическая проблема здесь снята. Отсюда особое понимание логики и ее отношения к объективной действительности.

Если для Аристотеля основной проблемой логики была проблема доказательства, понимаемая им как проблема познания действительности, обнаружения средств установления объективной истины, то уже в логике стоиков, а в особенности в схоластической логике, проблема средств нахождения объективной истины теряла свое значение. Для схоластической логики проблема истины была снята тем, что истина считалась уже данной в догматах религии и в тех положениях античной философии, которые были освящены церковью. Отсюда логика была сведена к искусству анализа готовых положений, технике силлогизма, прослеживанию логико-грамматических связей, отвлекаясь от содержательных особенностей элементов мысли, установлению различных типов следования и т.п.

«Здесь, – как замечает А.С. Ахманов, – аристотелевская логика теряет свою онтологическую и гносеологическую основу, и исследование логических связей и закономерностей осуществляется с точки зрения правил словесных рассуждений. Более того, сама техника мышления, названная диалектикой, объявляется у Петра Испанского в XIII веке и его последователей искусством искусств и наукой наук, содержащей принципы, начала всех методов¹.

В такого рода логике, строго говоря, не встает проблема категорий. В той мере, в какой категории все же являются здесь предметом логического анализа, они определяются в полном согласии с неоплатоническим пониманием их (этому способствовала устойчивая популярность комментариев Порфирия к логическим сочинениям Аристотеля, где с позиции неоплатонизма было извращено собственно аристотелево понимание категорий)², как всеобщих предикатов или наиболее общих родов понятий.

Новое время, как конкретно-историческое образование, итогом которого было в логическом плане изменившееся соотношение между мышлением и бытием

¹ Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 119.

² Аристотель. Категории / пер. А.В. Кубицкого. М.: Соцэкгиз, 1939. С. 51–76.

(в социально-историческом плане оно выглядело как изменившаяся форма отношений между человеком и природой, между человеком и человеком, между личностью и обществом) характеризуется, тем самым, как новый тип мышления, осознание которого вело к новой постановке проблемы логического мышления вообще и проблемы категорий в частности.

Объектом идеологии и науки Нового времени становится анализ природы социально-политической и теоретической активности человеческой деятельности в форме проблемы условий критической способности разума. Критическая способность разума мыслится как реальная социально-практическая сила. Основанием для этого является формирование социально-политических предпосылок личности как реальная борьба за условия личной активности буржуа, инициативы предпринимателя. В идеологии и науке это осознается в форме очеловечивания разума, снятия с него божественного покрова. Однако, очеловечивание мышления проходит в мистифицированных формах и по существу для большинства представителей новой философии природа мышления остается божественной.

Социально-историческая природа мышления ускользает из орбиты гносеологического анализа: «...если активность познания и категориальная обобщенность его содержания эмпирически были доступны общему сознанию того времени, то связь этих обстоятельств между собой и с внешними свойствами знания (отражения) в едином механизме, взятом как объект гносеологии, логики до немецкого классического идеализма не выделялась... эти факты просто не ставились в связь с гносеологическим осмыслением мышления».¹ Этим объясняется, тот факт, что вплоть до Канта проблема категорий в философии Нового времени не выходит за пределы, положенные средневековой философии (несмотря на резкую критику последней).

Хотя превращение техники словесных рассуждений во всеобщую методологию и вызывают протесты исследователей методологии наук Нового времени: Галилея, Декарта, Фр. Бэкона, тем не менее, именно схоластическая логика, отвлекающаяся от содержания не только значений слов, но и конкретных мыслей, послужила основанием для выделения особой способности человеческого мышления, стоящей за всеми его познавательными действиями.

Коротко говоря, схоластическая логика (в связи с ее общефилософскими положениями) поставила вопрос о единстве всех субъективных состояний сознания в одном познавательном механизме. Для самой схоластики этот вопрос решался довольно просто, сведением дискретности состояний сознания к непрерывному божественному присутствию, эманации божественного всеединства.

Философия Нового времени, устанавливая в русле общеидеологической борьбы если не самостоятельность, то, по крайней мере, автономию разума, вынуждена искать особый источник цельности, общезначимости и безусловной

¹ Мамардашвили М.К. *Формы и содержание мышления. (К критике гегелевского учения о формах познания)*. М.: Наука, 1967. С. 35.

необходимости человеческих познаний. Характерным итогом таких исканий является методология Р.Декарта, построенная на представлении о единстве самосознания («я мыслю»). Поскольку же для Декарта, а также для большинства представителей Нового времени до Канта, соответствие порядка идей и порядка вещей есть нечто само по себе очевидное, и речь идет лишь о процедуре (методологии) очищения разума, благодаря которой указанное соответствие примет необходимый характер, то связь «новой» методологии с логическими характеристиками мышления устанавливается лишь внешним образом. Поэтому философия Нового времени и не проявляет особого интереса к категориям, квалифицируя их в большинстве случаев как идеи разума, непосредственно совпадающие со сторонами бытия (спор может идти только о происхождении этих идей).

Тем самым философия Нового времени демонстрирует по существу не критическое восприятие средневековых представлений о категориях. Представление о категориях как понятиях можно объяснить здесь отождествлением категорий и идеальных сущностей¹. Если Аристотель различает роды сущего (категории как предметные формы сущего) и принципы бытия (движущие причины сущего и сущности: форма и материя, возможность и действительность), роды сущего и роды в сущем (формы единичных вещей, общее в единичном, сущность), роды сказывания о бытии (категориальные схемы) и понятия (речь о сути бытия той или иной вещи), то, начиная с неоплатонической реставрации философии Платона (а с этим, как указывалось, было связано искажение категорологии Аристотеля, воспринятое средневековой схоластикой), категории смешиваются с идеями или идеальными сущностями.

Идеи, во-первых, есть принципы вещей как они суть, во-вторых, – идеальные сущности, общее в массе единичных случаев, неизменное, неподвижное. В человеческом мышлении они выступают как понятия. Поскольку категории, как они ко времени философской деятельности Плотина и его последователей были выделены, суть общее в бесконечном многообразии событий, могут быть получены из них путем анализа, далее, поскольку они вневременны, сверхэмпиричны, противостоят конкретному миру единичных событий, постольку не трудно усмотреть в так понимаемых категориях черты сходства их с идеями или идеальными сущностями.

Это сходство, а главным образом, специфические задачи объяснения условий мистической эманации божественного «единого» и его самопознания являются основой понимания категорий как умопостигаемых сущностей в философии Плотина.

Поиски принципиального и неизменного в мире, характерные для средневековой философии, приводят ее представителей к неоплатонической трактовке категорий как идеальных сущностей и соответствующих им родовых понятий.

¹ На это обстоятельство обращал внимание, например, Н. Гартман. См.: *Hartman N. Der Aufbau der realen Welt.* Berlin: Walter de Gruyter & co., 1940. S. 46–50.

Философия Нового времени в русле проблем *philosophia prima* (первая философия, предметом которой являлись категории бытия), занятая также поисками неизменного и принципиального в бытии и в человеческом разуме, отождествляет категории с сущностями. Так, например: «Первые идеи или *simplices* как они изображаются Декартом и Лейбницем ... с одной стороны зависят от понятийно осмысленных сущностей в интеллекте и, как таковые, являются понятными, с другой, однако, составляют категориальные основы сущего и мира... Человеческий интеллект содержит в себе категории божественного... таков скрытый смысл этих философских учений»¹.

Таким образом, традиции толкования категорий как понятий насчитывает более 17 столетий. Тем не менее ни в одном из философских учений после Аристотеля, вплоть до Канта, эта логическая форма категорий не получила серьезного обоснования. Философские учения указанного периода поражают своей некритичностью в отношении категорий. Это объясняется тем, что вплоть до Канта категории нигде не были исследованы в их отношении к гносеологическим основаниям логического мышления.

Немецкая классическая философия, прежде всего, лишает невинности представления о категориях предшественников. И хотя традиция толкования категорий как понятий здесь подхватывается, тем не менее, она получает серьезную аргументацию, увязывается с увлекательнейшим анализом реальных форм познавательной деятельности. Кантом и Гегелем в области анализа категорий была проделана такая работа, с результатами которой можно соглашаться или не соглашаться, но обойти которые невозможно.

Все это дает основание заключить, что непосредственным источником современных представлений о категориях является немецкая классическая философия, собственно философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. Анализ этих учений, поэтому, вызывает у нас первостепенный интерес.

1.3. КАТЕГОРИИ КАК ЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ И ФОРМЫ МЫШЛЕНИЯ

1.3.1. КАНТ. НОВОЕ ПОНИМАНИЕ КАТЕГОРИЙ

Кант открывает новый этап очеловечивания мышления. Ограничивая рациональность чувственностью, априорные моменты опытом, относя форму мышления к человеческой способности, определяя в то же время субъекта познания как физическое существо (как пространство и время), Кант строит по сравнению со

¹ Hartman N. Der Aufbau der realen Welt. Berlin: Walter de Gruyter & co., 1940. S. 45.

своими предшественниками наиболее удачную модель автономии человеческого разума. «Коперниканский переворот» в проблеме познания Кант формулирует в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума»: «До сих пор считали, что всякие наши знания должны сообразоваться с предметами. При этом, однако, кончались неудачей все попытки через понятия что-то априорно установить относительно предметов, что расширило бы наше знание о них. Поэтому следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны сообразоваться с нашим познанием, – а это лучше согласуется с требованием возможности априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они нам даны»¹.

Кант, таким образом, первый, кто выделил предмет знания как сторону мышления. Тем самым им было развито новое учение об условиях объективной истинности человеческого познания. Категории здесь впервые рассматриваются как главные логические формы мышления, как логический факт. Тем самым все то, что предшествующая традиция относила к онтологии или метафизике, включается в состав предмета логики.

Кантовское понимание знания как результата синтетической деятельности явилось, по замечанию П.В. Копнина², поворотным пунктом в решении гносеологических проблем: ведь, по Канту, синтез, «связь есть единственное, которое не дается объектом, а может быть создано только субъектом, ибо оно есть акт его самостоятельности»³.

Кант развивает новое учение об объективности, разделяя «вещь в себе» как источник знания и объект знания как продукт творческой активности познающего мышления. Вся сфера прежней онтологии, ее категориальный состав находит свое объяснение не в формах самой по себе действительности (о них мы вообще знать ничего не можем), а в синтетической деятельности сознания.

Объект мышления, в отличие от предмета как такового, дается не пассивно извне, а создан «трансцендентальным единством апперцепции». Объективность, следовательно, объясняется не очевидной заданностью предмета в его самостоятельных по отношению к человеку категориальных формах или в чувственно-наглядных формах (ибо, по Канту, чувственный образ является конструкцией априорных форм чувственности: пространства и времени), а априорными условиями объективного мышления.

Категории и есть всеобщие логические условия, посредством которых содержания сознания мыслятся как объект. Они не являются способами нахождения предметных отношений трансцендентной действительности, то есть трансцендентными формами (как это характерно для предшествующей традиции). Кант

¹ Кант И. Критика чистого разума // Соч. В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 87.

² Копнин П.В. Логические основы науки. М.: Наука, 1968. С. 22.

³ Кант И. Указ. соч. С. 190.

различает идеи и категории, называя последние чистыми рассудочными понятиями в отличие от чистых разумных понятий. «...Без такого различения метафизика просто невозможна».¹

Определение истинного значения чистых рассудочных понятий и условий их употребления обнаруживает, «что сами эти понятия, – как пишет Кант, – суть только логические функции и, как таковые, не дают ни малейшего понятия об объекте самом по себе и нуждаются в чувственном созерцании как в своей основе; но и тут они служат только к тому, чтобы определять относительно функции суждения эмпирические положения – безразличные к ним и неопределенные, – сообщать им через это всеобщее значение и, таким образом, – делать возможными опытные суждения»².

Кант фиксирует категории в их действии как логические функции. Эти логические фикции, будучи отнесены к объекту вообще, выступают в форме чистых, то есть рассудочных понятий. По сути дела эта их понятийная форма выступает лишь при специальном анализе (трансцендентальном).

В реально функционирующем мышлении категории выступают как содержательные понятия, но в этом качестве они уже не есть собственно категории. Поэтому вообще встает проблема способа выявления категорий из содержаний сознания. Трансцендентальному анализу сознания предшествуют некоторые предпосылки. Это, прежде всего, понимание логики и ее отношения к объективной действительности.

Кант, во-первых, отрывает формальную логику вообще от онтологических оснований, объявляет ее принадлежащей исключительно к форме человеческого мышления. Саму логическую форму Кант впервые трактует как чистое отношение знаний друг к другу отвлеченно от отношения познания к объекту.

Во-вторых, он соединяет методологические задачи обоснования опытных наук с анализом логической формы мышления, выделяя стоящую за этой формой особую способность человеческого познания, которая, имея логические свойства, тем не менее, содержательно объясняет формы связи конкретных мыслей друг с другом.

В основании этой особой способности лежит, по Канту, синтетическая природа человеческого знания. Синтетический взгляд на происхождение форм рассудка, на его функции образует, согласно Канту, одно из самых важных различий между логикой обычной и логикой трансцендентальной. «Под аналитикой понятий я разумею не анализ их, или обычный в философских исследованиях прием разлагать встречающиеся понятия по содержанию и делать их отчетливыми, а еще мало применявшееся до сих пор расчленение самой способности рассудка с целью изучить возможность априорных понятий, отыскивая их исключительно в рассудке как месте их происхождения и анализируя чистое применение (рассудка) вообще.

¹ Кант И. Пролегомены. М.: ОГИЗ, 1934. С. 210.

² Там же. С. 211.

Такова настоящая задача трансцендентальной философии, все же остальное есть логическая трактовка понятий в философии вообще»¹. Это расчленение самой способности рассудка акцентирует внимание, таким образом, на анализе внутренней формы деятельности дискурсивного мышления.

Рассудок – познание через понятия в отличие от созерцания, которое чувственно. Поскольку во всех понятиях существует априорный элемент (таким элементом является, прежде всего, связь или синтез, которые не могут быть даны в опыте), постольку понятия зависят не от внешнего воздействия, а от функций. «Под функцией же я разумею единство деятельности, подводящей различные представления под одно общее представление»². Отсюда, согласно Канту, следует вывод, что понятия вообще основываются на спонтанности мышления, в то время как чувственные созерцания – на восприятии.

Таким образом, важнейшим условием трансцендентального анализа является представление о спонтанности, независимости ни от какого опыта мышления. Причем, выход к такому представлению дает анализ формы суждения. Именно суждение есть элементарный способ соединения различных представлений, а это соединение есть функция особой способности – рассудка. «Поэтому все функции рассудка можно найти, если полностью показать функции единства в суждениях»³.

Общая (формальная) логика отвлекается при выделении типов связей мысли от того, чем эта связь обусловлена. Анализ содержания не входит в ее задачу.

Трансцендентальный метод также направлен не на содержание конкретных мыслей, которые тем или иным образом связаны и тем или иным способом получены. Этот метод требует объяснения, как возможно очевидное единство содержания познания в одном сознании. Поэтому при анализе форм суждения трансцендентальный анализ требует соотнесения всех этих форм с самой способностью к суждению. Речь идет о логических функциях рассудка в суждениях, которые тогда совпадают с типами единства в суждениях.

Сферой критического метода является вся совокупность человеческих знаний и опыт, производимый сознанием во всех его моментах.

Классификация всех возможных суждений по типу их единства дает возможность обнаружить полноту функций рассудка в суждениях (рис. 1).

Таким образом, классификация суждений дает полноту функций рассудка, т.е. различных типов синтеза представлений в едином акте познания. Этот синтез вообще есть следствие продуктивной силы воображения, «...слепой, хотя и необходимой функции души; без этой функции мы не имели бы никакого знания, хотя мы и редко осознаем ее»⁴.

¹ Кант И. Пролегомены. М.: ОГИЗ, 1934. С. 165.

² Там же. С. 166.

³ Там же. С. 167.

⁴ Там же. С. 173.

	1 <i>Количество суждений</i> Общие Частные Единичные	
2 <i>Качество</i> Утвердительные Отрицательные Бесконечные		3 <i>Отношения</i> Категорические Гипотетические Разделительные
	4 <i>Модальность</i> Проблематические Ассерторические Аподиктические	

Рис. 1. Суждения

Обычный опыт, состоящий из созерцаний, принадлежащих чувственности, и из суждений, которые «суть исключительно дело рассудка», порождает «грубое» знание, которое затем повергается анализу и проясняется.

Здесь обычными логическими средствами (путем анализа) представления сводятся к понятиям. Трансцендентальный же анализ имеет своим объектом не представления, а чистый синтез представлений, который он сводит к чистым рассудочным понятиям.

Функции рассудка, которые становятся очевидными благодаря классификации суждений, устанавливают единство всех познавательных действий, т.е. устанавливают возможность всеобщего и необходимого знания (а это равносильно объективности в понимании Канта). «Итак, тот же самый рассудок, – говорит Кант, – и при том теми же самыми действиями, которыми он посредством аналитического единства создает логическую форму суждения в понятиях, вносит также трансцендентальное содержание в свои представления посредством синтетического единства многообразного в созерцании вообще, благодаря чему они называются чистыми рассудочными понятиями и а priori относятся к объектам, чего не может дать общая логика»¹.

Поэтому чистых рассудочных понятий столько, сколько насчитывается логических функций рассудка во всех возможных суждениях.

Эти чистые рассудочные понятия Кант называет «по примеру Аристотеля» категориями (рис. 2).

Итак, трансцендентальный метод указанным путем обнаруживает в основании человеческого познания категории как чистые рассудочные понятия. Категории он отличает не только от эмпирических понятий, но и от многих априорных понятий, причем ручается за полноту их системы.

¹ Кант И. Пролегомены. М.: ОГИЗ, 1934. С. 174.

	<p>1</p> <p><i>Количества</i></p> <p>Единство</p> <p>Множественность</p> <p>Целостность</p>	
<p>2</p> <p><i>Качества</i></p> <p>Реальность</p> <p>Отрицание</p> <p>Ограничение</p>		<p>3</p> <p><i>Отношения</i></p> <p>Присущность и самостоятельное существование</p> <p>Причинность и зависимость (причина и следствие)</p> <p>Общение (взаимодействие между действующим и подвергающимся действию)</p>
	<p>4</p> <p><i>Модальности</i></p> <p>Возможность-невозможность</p> <p>Существование-несуществование</p> <p>Необходимость-случайность</p>	

Рис. 2. Категории

Такова общая характеристика категорий в трансцендентальной философии, которая выявляет, по крайней мере, своеобразие категориального учения Канта в связи с его общефилософскими положениями. Однако многое нам здесь еще неясно.

Что, например, позволяет Канту называть выделенные им «чистые понятия синтеза» категориями, и какое отношение они имеют к категориям Аристотеля или к категориям неоплатонической традиции?

Что является той предметной областью в обозначении категорий, которая позволяет и Аристотелю, и Плотину, и Райманду Луллию, и Декарту, и Канту говорить об одном и том же?

Почему Кант сохраняет традицию понятийного толкования категории при таком радикальном переосмыслении «метафизической» традиции вообще?

Каким образом категории в форме понятий участвуют в построении знания?

Почему Канта называют родоначальником современной традиции в понимании категорий и каковы пути позитивной критики его категорологии?

Эти, а также другие вопросы нам предстоит теперь выяснить.

Однако, чтобы навести порядок в вопросах и направить мысль по определенному уже нами в предыдущих частях работы проблемному полю исследования, воспользуемся тем способом анализа, который мы продемонстрировали на категориальном учении Аристотеля. Выясним, во-первых, что соответствует категориям вне мышления; во-вторых, какова природа бытия категорий в мышлении?

Итак, что соответствует категориям вне мышления в трансцендентальной философии? Этот вопрос необходимо уточнить. Что является содержанием «чистых рассудочных понятий»?

1.3.2. ФОРМАЛЬНОЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАТЕГОРИЙ В ФИЛОСОФИИ КАНТА

И. Кант исходит из той предпосылки, что основанием всякого нашего знания, в особенности научного, является чувственный опыт. Всякое сверхопытное познание отвергается Кантом не только как ненаучное, но и как иллюзорное познание. Сверхопытное познание есть сверхразумное познание, но тогда противоречиво приписывание ему предиката «научное», противоречиво даже определение его как *познания*. Лишь чувственный опыт в его рациональном постижении является источником знания. Эта предпосылка является для Канта руководящим принципом анализа возможности любого рода познания. Поэтому, отвечая на вопрос, что соответствует категориям вне мышления или что является содержанием чистых рассудочных понятий, необходимо помнить об этой особенности философии Канта.

Прежде всего, необходимо отметить отсутствие какого бы то ни было субстанционального определения категорий в трансцендентальной философии. Это означает, во-первых, что не существует ни в природе, ни в практической жизни такой субстанции, по отношению к которой категории могли бы быть рассмотрены как атрибуты. Во-вторых, не является такой субстанцией и трансцендентальный субъект. В-третьих, все это имеет тот смысл, что отрицается не носитель категорий и не источник их содержания, а возможность такого субъекта, для которого категории (мыслимые как понятия) были бы предикатами (определениями).

Кант отходит от традиционного понимания категорий как понятий, соответствующих умопостигаемым сущностям. Раз независимый от нас мир мыслим в понятиях, то это говорит лишь о том, что так называемые сущности принадлежат исключительно форме мышления. А поскольку такой самобытный мир все же существует (иначе мы пришли бы к нелепости солипсизма), то это значит, что он непознаваем. «Вещи в себе» не могут быть содержанием категорий как понятий. «Вещи в себе», являясь причиной чувственности, придают, тем самым, характер реальности как созерцаниям, так и опыту, производимому мышлением на основе чувственности.

Согласно Канту, категории не выражают сущего. Существование предметов опыта обусловлено не категориями, а «вещами в себе». Категории, тем самым, выражают лишь «единое», которое вносится трансцендентальным субъектом. Этим объясняется сведение объективности к общезначимости в трансцендентальной философии.

Для Аристотеля, например, сущее и единое неразрывно связаны, так что единство всей действительности включает в себе единство существования.

Существование немислимо вне единого (вне многих одних, то есть действительных вещей), так как тогда это было бы существование «ничего», а «ничто» – небытие. В этом случае получалась бы нелепость: существование несуществования. Не-сущее же имеет смысл, согласно Аристотелю, лишь тогда, когда оно определено отрицанием сущего, то есть должно нечто существовать и существовать как единое, чтобы быть отрицаемым. Поэтому категории у Аристотеля – это значения «сущего» и, тем самым, «единого». Они являются предметными формами существования «единого» (то есть всей совокупности действительных чувственных предметов) в противовес платоновской теории существования единого как сверх-предметного.

Таким образом, общее, выражаемое категориями, – единство предметной формы существования всякой определенности, и ничего больше. Однако различие между мышлением и бытием у Аристотеля не идет дальше различения сущего «в собственном смысле» от того же сущего, только в смысле «истинного». Сущее «в собственном смысле» – это предметно-существующее. Сущее «в смысле истинного» – это сфера чистых форм, принципами которых являются те определенности, которые у Канта носят название категорий.

Категориальные различения значений сущего (предметных форм) выводят мышление в сферу чистых форм, где нет нужды различать сущее само по себе и сущее в смысле истинного. Устанавливая посредством доказательства непротиворечивость в мыслях, мы, тем самым, обнаруживаем совпадение субъективной деятельности с всеобщими законами сущего.

Категории у Аристотеля, тем самым, – условия такого совпадения, не являясь, однако, «структурой» бытия. Такие же определенности, как необходимое, форма и т.п., не выступают у Аристотеля как способы различения в содержаниях сознания, относящегося к действительности и относящегося к субъективной деятельности, и потому вполне последовательно категориями не называются.

Напротив, для Канта сущее, как оно проявляется в формах человеческой деятельности, и сущее само по себе – это не сводимые друг к другу реальности.

Кант стоит перед фактом диаметральной противоположности мышления и бытия, как эта противоположность была обнаружена еще Р. Декартом: мир протяженный, но не мыслящий, противостоит миру непротяженному, но мыслящему. В трансцендентальной философии это противопоставление еще более радикально: мир непознаваемый противостоит миру чувственности и рассудка. Поэтому все формы деятельности человека по производству опыта, которые предшествующая традиция непосредственно отождествляла с самим по себе сущим, рассматриваются Кантом как принадлежность человеческой способности. Таким образом, сущее и единое разделены радикальным образом. Причины существования и формы единства, следовательно, не одно и то же. Анализ содержания чистых рассудочных понятий обнаруживает, тем самым, что они являются выражением не причин существования, не сущности, а лишь формы познания.

Поэтому вообще встает вопрос: чему же соответствуют категории онтологии или метафизики? Ничему, – отвечает Кант. До тех пор, пока мы смешиваем рассудочные понятия с идеями разума или чистыми разумными понятиями, нет рационального обоснования науки.

Идеи разума есть следствие неискоренимой потребности всякого познания в доведении опыта до завершенности. Но такая завершенность означала бы познание вещей в себе, то есть выход за пределы опыта. А это, согласно философии Канта, невозможно. Кант не отвергает этих понятий, но ограничивает их опытным применением, указывая на относительную ценность их как регулятивов научного познания. Сами они требуют еще доказательства и являются следствием применения чистых рассудочных понятий (категорий) за пределами опыта. Тем самым идеи разума производны от категорий.

Категории также не могут быть поняты как врожденные идеи. Врожденная идея означает знание до опыта вещи самой по себе, но это невозможно. Невозможно знание, минуя опыт. Чистые категории рассудка, хотя и имеют логическую форму понятия, тем не менее, существуют как знание, то есть становятся действительностью, а не только способностью лишь в опыте. Более того, категории – следствие применения способности (трансцендентального единства апперцепции). Так как во всех моментах опыта всякая деятельность по производству опыта сопровождается представлением «я мыслю», то есть единством способности (единством самосознания), то это единство эмпирического «я» с самим собой и с заключенным в нем трансцендентальным «Я» сообщает единство и самому опыту.

Таким образом, лишь трансцендентальный субъект остается еще возможным субъектом категориального определения. Но и в этом вопросе Кант последователен, ограничивая всякое знание пределами опыта. И хотя единство нашей мыслительной способности кажется непосредственно доступным, тем не менее, это не так.

Чтобы познать «Я», необходимо опыт (внутренний), а в опыте невозможна завершенность. Поэтому «Я» остается как вещь в себе за пределами опыта и не может стать субъектом категориального определения. Следовательно, категории, взятые в их чистоте, не имеют никакого содержания.

Как замечает Кант, «...сами по себе категории вовсе не знания, а только формы мышления для того, чтобы из данных созерцаний порождать знания»¹. В категориях как понятиях устанавливается отношение функций рассудка (форм суждений) к «предмету вообще». Но сам этот «предмет вообще» – пустой предмет, ничто. Поэтому пусты и категории. Кант наглядно демонстрирует деление понятия «ничто» согласно порядку категорий (рис. 3).

¹ Кант И. Прологомены. М.: ОГИЗ, 1934. С. 296.

	«Ничто» как 1. Пустое понятие без предмета ens rations	
2. Пустой предмет понятия nihil privat		3. Пустое созерцание без предмета ens imaginarium
	4. Пустой предмет без понятия ¹ nihil negativum	

Рис. 3. Деление понятия «ничто»

Следовательно, не существует знания помимо познания, но существует понятие помимо познания. Категории как понятия суть конструкции рассудка, понятия как понятия, чистая форма понятия. Не понятие чего-то, а чистый момент понимания изолированно от познания. Кант, принимая предпосылку традиции о существовании категорий как понятий, устраивает ей критический экзамен. Если категории – знание, то они – фикция. Единственное спасение познания (науки) и ее априорных понятий (категорий) состоит в том, что категории не является знаниями, а суть лишь формы его. Но тогда возникают вопросы: чем отличаются категории от других понятий, каков способ бытия категорий в мышлении, как соотносится формообразующая функция категорий с их понятийной формой и др.

1.3.3. ЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМА КАТЕГОРИЙ В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

В вопросе о логической форме категорий особенно сказывается дуализм философии И. Канта. На это обстоятельство обычно мало обращают внимания. Тем не менее, именно здесь, в понимании логической формы категории в философии Канта, мы наблюдаем одновременно истоки традиции толкования категорий как понятий и в то же время истоки, разрушающие эту традицию.

Категория у Канта не наиболее общее понятие, не «виденье целого», по отношению к частным «виденьям» частных понятий, не более широкое созерцание, в котором соединяется различные представления. Но в силу этого они и не есть обычные понятия (включая априорные), а совершенно особый тип понятий.

Категории у Канта как бы чистое понимание, т.е. тот необходимый элемент в каждом понятии, который делает их собственно понятиями. Это наглядно иллюстрируются И. Кантом в разделе его «Критики чистого разума» «О схематизме чистых рассудочных понятий».

¹ Кант И. Прологомены. М.: ОГИЗ, 1934. С. 335.

Рассудочное понятие как чистое синтетическое единство многообразного вообще не может быть непосредственно применено к сознанию. Поэтому применение категорий к явлениям становится возможным при посредстве временного определения, «...которое как схема рассудочных понятий опосредствует подведение явлений под категории»¹.

Схему Кант определяет как формальное и чистое условие чувственности, которым рассудочное понятие ограничивается в своем применении² и отличает ее от образа.

«Так, если я полагаю пять точек одну за другой... то это образ числа пять. Если же я мыслю только число вообще, безразлично, будет ли это пять или сто, то такое мышление есть скорее представление о методе (каким представляют в одном образе множество, например, тысячу)...»³.

Поэтому, считает Кант, в основе наших чистых чувственных понятий лежат не образы предметов, а схемы, которые приводят к какому-нибудь образу.

В отличие от схем чистых чувственных понятий схема чистого рассудочного понятия «...есть нечто такое, что нельзя привести к какому-либо образу: она представляет собой лишь чистый, выражающий категорию синтез сообразно правилу единства на основе понятий вообще, и есть трансцендентальный продукт воображения»⁴.

В силу этого категория не наиболее общая схема (т.е. схема, позволяющая охватить наибольший объем подводимых под нее восприятий), а принципиальная схема отношения к объекту. Причем, неразрывная связь категорий с познавательными процессами здесь особенно очевидна. «Следовательно, категории без схем суть лишь функции рассудка, необходимые для понятий, но не представляющие никакого предмета. Свое значение они получают от чувственности, которая придает реальность понятиям рассудка (*den Verstand realisiert*), в то же время ограничивая его»⁵.

Вот здесь и проходит граница раздвоения. По существу Кант доказывает, что никакого существования категорий помимо познавательных процессов (где они выступают как форма, схема продуктивной деятельности мышления, понимания, неотделимого от понятия) – нет.

И в то же время он выделяет категории как чистое понимание в понятиях, или как что-то уже понятое до и независимо от тех сознательных выражений, которые находятся в понятиях.

Выделив категории как чистое понимание, Кант субстанционализировал их как особые понятия. Тем самым «функции рассудка» приобретают логическую форму

¹ Кант И. Пролегомены. М.: ОГИЗ, 1934. С. 221.

² Там же. С. 222.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 227.

понятия. Здесь Кантом решается проблема, линия которой идет еще от Р. Декарта. Предмет нашего всегда ограниченного опыта, чтобы стать предметом мышления, чтобы он вообще мыслился, должен быть как-то предварительно обработан¹. И дело здесь не в обычных логических операциях по прояснению (анализу) первоначальных представлений.

Производя какие-то логические действия с предметом, даже просто делая его предметом речи, мы тем самым вносим в него что-то, что позволяет нам производить с ним совокупность дискурсивных действий, не совпадающих с той предварительной обработкой, которую мы уже сделали. Что эти две деятельности не совпадают – факт, выраженный на языке критической философии, предельно ясно: мы не можем делать анализ там, где мы ничего не соединили.²

Но что это за тайная деятельность и как она соотносится с теми правилами и формами, которые мы сознательно применяем к познанию предмета?

Кант замечает, что хотя эта «тайная деятельность» и не совпадает с совокупностью осознанных (всегда конечных) операций (т.е. обычных операций, относящихся к дискурсивному мышлению, в которых мышление отдает себе отчет в своих действиях, сознательно контролирует построение-знания), тем не менее, одновременно с этой явной деятельностью.

Поэтому Кант вполне последовательно обращается к формам дискурсивного мышления и приходит к функциям рассудка, как особой способности *a priori*, относящейся к формам дискурсивного мышления. Тем самым он делает попытку преодолеть как онтологизм, так и психологизм в трактовке логических форм, попытку вывести логические формы из деятельности мышления. Причем речь идет именно о формах, устанавливаемых общей логикой.

Те же формы, которые Кант находит как функции рассудка, выводятся им и связываются внешним образом, исходя из эмпирически установленной классификации суждений (за что его и упрекает Гегель, говоря, что уж если категории суть определения «трансцендентального „Я“», то надо бы и выводить их из имманентной деятельности «Я», т.е. из живого познания, а не из статично представленной способности).

Но для нас сейчас важно не это. Субстанционализировав синтетическую деятельность рассудка в трансцендентальном субъекте, как индивидуальную, спонтанную деятельность мышления, Кант устанавливает категории как понятия, т.е. как выполненное уже понимание, независимо от познавательной деятельности эмпирического субъекта.

Поэтому категории бессодержательны. Они – пустые формы. Однако категории не есть наиболее общие понятия. Никакой анализ или синтез информации,

¹ Это обстоятельство хорошо высказано М.К. Мамардашвили в его книге «Формы и содержание мышления. (К критике гегелевского учения о формах познания)». М.: Высшая школа, 1968. С. 52.

² См.: *Кант И. Прологомены*. М.: ОГИЗ, 1934. С. 190.

заложенной в эмпирических понятиях, никакое их обобщение не приводит к категориям, а если и приводит, то случайно.

Только при трансцендентальном анализе, т.е. только при сопоставлении онтологических форм в их совокупности с эмпирическим составом опыта с необходимостью приводит к обнаружению категорий. Но в то же время только при трансцендентальном анализе категории и выступают в форме понятий, ибо содержанием категорий как чистых понятий рассудка являются чистые функции рассудка, устанавливающие связь между эмпирическим и трансцендентальным содержанием опыта.

То, что делает эмпирические понятия собственно понятиями, есть содержащееся в них понимание. Понимание же есть процесс связывания конечных состояний сознания во времени.

Предмет, ставший фактом мышления, есть последовательность во времени. Эта последовательность задается продуктивным воображением по категориальным схемам. Воспроизведение этой чистой последовательности при связывании представлений и есть мышление, понимание. Определение же категорий как понятий, т.е. самостоятельных и независимых от эмпирического опыта функций рассудка, в философии Канта вытекает из требований представить процесс понимания отдельно от психологических процессов, т.е. логически.

У Канта это достигается тем, что мышление рассматривается изолированно от чувственно-обусловленного познания как чистая деятельность понимания.

Эта чистая деятельность обусловлена единством самосознания, которое находится вне времени или есть время как бесконечность, как бесконечное отношение эмпирического (субъективного) сознания к самому себе. (Этим, между прочим, доказывается, считает Кант, что человек есть не бесплотный дух, а физическое существо: пространство и время. Чувственность – пространство и время. Эмпирическое мышление – представление во времени. Чистое мышление – чистое время).

Так как доступные нам операции сознания всегда конечны, а через опыт мы выходим к «Я» случайным образом, то лишь при трансцендентальном анализе, подводя синтез представлений под чистые рассудочные понятия (определения «Я»), мы расширяем наш ограниченный опыт до всеобщности, а тем самым необходимости и общезначимости.

Итак, Кант сохраняет традицию понимания категорий как понятий, но он же убедительно доказывает, что живое человеческое познание содержит в себе категории лишь как принципы организации знания.

Категории как понятия приложимы лишь к опыту, выражая отношение между субъектом и объектом познания. Категории задают предмет мышлению, делают его объектом познания, являются условиями понимания. Категории есть способ, посредством которого содержания сознания мыслятся как объективные. Они конструируют объект и тем самым позволяют субъективной деятельности познания действовать осознанным образом, отличая собственную деятельность от объективного содержания.

Следует обратить особое внимание на соотнесение форм суждения и категорий (чистых рассудочных понятий) как на гносеологический корень иллюзии о понятийной форме категорий в философии Канта. Рассматривая формы мышления вообще лишь как отношение мысли друг к другу, как формальное отношение, Кант вынужден устанавливать, подводить под эти формы содержание. Поэтому, хотя категории у него по существу совпадают с формами суждения, Кант вынужден устанавливать отношение их к предмету вообще, что и является источником категорий как понятий.

Если отбросить ложную гносеологическую установку разрыва формы и содержания мышления, то мы обнаруживаем, что категории как формы суть лишь условия объективно значимых суждений. У них нет «для себя бытия». Их бытие есть целиком «бытие для другого». Категории как понятия суть лишь отражения форм мышления, в которых устанавливается соотношение между субъектом и объектом в целом и субъективным и объективным в самом познании.

Категории, тем самым, есть лишь принципы, условия дискурсивного мышления. Понятия о них и логически и исторически вторичны. В качестве понятий они выделяются лишь в логико-гносеологическом анализе. Будучи выделенными, понятиями, они, разумеется, выступают в форме понятий. Здесь они могут участвовать в построении знания как методология исследования, как сознательно проводимый принцип познания.

Таким образом, рассмотрение категорий как понятий есть результат дуализма кантовской философии и представляет собой превращенную форму исследования природы категорий.

Глава II

ТРАДИЦИЯ ПОНЯТИЙНОЙ ТРАКТОВКИ КАТЕГОРИЙ В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

2.1. ИТОГИ ТРАДИЦИИ ПОНЯТИЙНОГО ТОЛКОВАНИЯ КАТЕГОРИЙ В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ И МАТЕРИАЛИЗМ

Единое предметное поле исследования, благодаря которому в философском мышлении с необходимостью обнаруживаются категориальные формы, жестко обозначается степенью гносеологичности философских построений. Необходимость выделения категорий, необходимость оперирования ими возникает при попытках обоснования принципиальных, всеобщих и необходимых условий постижения действительности в ее самостоятельных, самобытных, независимых ни от какого субъективного произвола, формах. И хотя в большинстве случаев подобная магистральная линия обращения к категориям осуществляется в превращенной форме анализа метафизических или онтологических сущностей, в сведении гносеологического анализа к поиску неизменного и принципиального в мире, нетрудно заметить, что сами-то эти поиски обусловлены теоретико-познавательным интересом.

В более широком контексте интерес к категориям обусловлен поисками объективных обоснований человеческой жизнедеятельности (всеобщих и необходимых условий соотношения субъективного и объективного в практике человеческой жизни). Осознание такой реальности как категории возникает тогда, когда ставится не просто гносеологический вопрос (который может быть сведен, вообще-то говоря, к психологической проблеме: ощущение – восприятие – представление – понятия и т.п.), а когда выявляются объективные условия логического мышления или логические условия объективной истинности мышления.

Поэтому аристотелево определение категорий как форм обнаружения бытия, способов, каким бытие обнаруживается в высказывающем мышлении, может считаться адекватным отображением сути дела, Необходимые моменты обнаружения объективных отношений (а не только предметных форм бытия, как это изображается у Аристотеля) в логическом научном мышлении являются задачей и трансцендентальной философии Канта, и спекулятивной философии Гегеля.

Философия Гегеля, как самый последовательный и радикальный идеализм, наряду с ценнейшим диалектическим анализом категорий особенно ясно обнажила структуру превращенной формы понимания категорий.

Поскольку категории у Гегеля рассматриваются как внутренняя мыслительная структура действительности, как моменты отчуждения духа, постольку в мышлении они выступают, во-первых, в виде логических сущностей, объективным образом организующих деятельность мышления и ее прогресс, во-вторых, в виде логических форм дискурсивного мышления, как рефлексия логики на объективное содержание мышления.

В живом процессе познания категории существуют не в форме понятий, а вместе с понятиями. Они, согласно Гегелю, моменты становления понятия. Но так как в своей субъективной деятельности человек осуществляет самопознание абсолюта, то категории и рассматриваются Гегелем как логические сущности или, что то же самое, понятия в себе и для себя разворачивающиеся в познавательной деятельности человека.

Лишь в этом случае Гегель их называет понятиями. Понятие категории («для себя бытие» категории) и понятие «категория» («в себе бытие» категории) совпадают лишь в сознающем себя мышлении, или мышлении, достигшем сознания того, что его реальность есть реальность абсолютного мышления, или чистая категория.

По сути дела лишь в логическом сознании, или лишь в мышлении об объективном мышлении, категории выступают как понятия. В других же случаях Гегель называет их либо определениями мышления (относящимися к чистой природе бытия), либо логическими сущностями.

Поэтому у Гегеля, так же как и у Канта, мы можем заметить, что определение категорий, как понятий, связано, прежде всего, с гипостазированием совокупных способностей исторического субъекта, с попыткой на идеалистической основе развернуть логическое учение об условиях объективного познания.

Диалектика абсолютного бытия у Гегеля не означает ничего иного, кроме изображения становления научной формы познания. Построение такой формы и есть достижение такого предела как «вещь в себе». Если «вещь в себе» лишь идеал, а не какая-то особая сущность, то построение научно-объективного познания, при котором действительность мыслится как самодвижение, как *causa sui* (установление научной формы познания), есть снятие «вещи в себе», превращение ее в «для себя» и, тем самым для нас.

Так понимаемое абсолютное знание не может вызвать никаких возражений со стороны материалиста. Материалистический анализ философии Гегеля показывает, что содержанием категорий у него является обнаружение таких форм объективной действительности (принадлежащих ей самой), в которых эта действительность существует вне мышления. В этом плане интересную мысль высказывает Лукреций. Он не считает обязательным определить единственную и безусловную

причину того или иного явления¹, необходимо лишь установить естественность данной причины. Ту же мысль высказывает, по сообщению Лукреция, Эпикур в §87 своего письма к Пифоклу².

Таким образом, не сущность мира, не причины вещей, а естественность протекания событий – вот что должна изображать философия, вот что равно материализму. Причины в мире устанавливает конкретная наука и, тем самым, конкретная наука есть развернутый материализм.

Категории поэтому следует высвободить из форм познавательной деятельности субъект-объектных отношений, а не сводить их к формам бытия. Гипостазирование логических моментов (в любой форме) – прямая дорога к идеализму.

Формы объективного мышления, субстанционализированные в понятиях, приходится тогда сводить, опускать до конкретности. Отсюда неизбежный минимум идеализма в так понимаемых категориях.

Так, у Канта категории выводятся из форм суждения, выступают как функции рассудка, благодаря которым формируются эмпирические понятия. У Гегеля же формы суждения, как и рассудочное «Я» (единство самосознания), – не являются источником категорий и не имеют логического первенства. Для философии Гегеля характерна не дедукция (последовательное выведение из высшего низшего), а диалектика. Чтобы могла быть применена формальная способность, нужен материал. Такова апория кантовской философии.

Диалектика категорий как диалектика самопознания абсолютного «Я» порождает и предмет мышления и формы его познания. Поэтому для Гегеля вывод категорий из форм суждения – нелепость. Позитивный смысл здесь заключается в том, что категории должны быть выведены из движения самого содержания познания. Содержанием категориальных понятий (понятий о категориях) являются не формы суждения, а способы субъект-объектного единства, порождаемые человеческой деятельностью. Здесь дело сложнее. Так как категории не имеют для себя бытия, а только бытие для другого, то есть вне исследования сути дела, вне становления понятия их не существует, то категории можно вывести лишь из истории познания (в контексте социально-исторических условий) в предметной области гносеологического анализа логических форм выхода к объективной действительности.

Объектом анализа являются здесь не натуральные законы объективной действительности, отражаемые в понятиях конкретных наук, а становление научной формы познания, ступени перехода от абстрактного к конкретному, от непосредственного к опосредованному, от субъективного к объективному.

Результаты категориальной формы деятельности познающего мышления заключены в содержании, в знании. Поэтому-то наиболее легкий способ выделения категорий – выявление определенной онтологии того или иного рода знания.

¹ Лукреций К. О природе вещей. М.: Академия наук СССР, 1958. С. 526–533.

² Там же. С. 534.

Сличение онтологий различных родов знания обнаруживает тогда то самое «наиболее общее», посредством которого и пытаются определять содержание категорий. И лишь потом появляются глубокомысленные суждения о том, что эта онтология не есть особого рода познание, а есть лишь «обобщение» данных естествознания.

Здесь внешне применяется верный тезис о категориях как абстракциях бытия, о категориях как отражающих закономерность и природа, и мышления. Причина этого заключена в том, что категории мыслятся в превращенной форме (как понятия). Имея готовые знания о категориях, мы начинаем подводить их под научно-философские принципы вместо того, чтобы сами эти принципы выводить из научного анализа категорий и, тем самым, доказывать научность философии, а не постулировать ее.

2.2. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПРИРОДЫ МЫШЛЕНИЯ И ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА КАТЕГОРИЙ ДИАЛЕКТИКИ

Классики марксизма не оставили нам системно развитой материалистической логики и категориологии. Поэтому перед нами стоит задача выявить исходные материалистические принципы исследования логического мышления и его отношения к объективной действительности, которые сформулировали создатели философии диалектического материализма, и которые являются методологическим кредо при определении их концепции в учении о категориях. Тем более, что ни в советской, ни в зарубежной литературе мы не встретили цельного исследования, в котором бы строго доказывалась та или иная интерпретация понимания категорий, скажем, у К. Маркса или у В. Ленина.

Но зато есть четко установленные и ясно высказанные классиками марксизма основные принципы диалектико-материалистического понимания мышления. Они-то и определяют границы определения категорий в рамках указанного философского направления, выход за которые прямо ведет к их искажению.

Сами по себе эти принципы ясно осознаются всяким исследователем, усвоившим азы марксизма. Другое дело – позитивное развитие этих принципов. Мы сейчас напомним эти азы марксизма и посмотрим, как в соответствии с ними строится исследование категорий в советской философии.

«После того, что сделал Гегель, – отмечает Э.В. Ильенков, – двигаться вперед можно было только в одном единственном направлении – по пути к материализму,

к ясному пониманию того факта, что все диалектические схемы и категории, выявление в мышлении Гегелем, представляют собой отраженные коллективным сознанием человечества универсальные формы и законы развития внешнего, вне и независимо от мышления существующего реального мира»¹.

Это общее положение всякого материализма в рамках философии диалектического материализма понимается по-новому, будучи свободным от метафизичности и созерцательности.

В основании теории познания марксизма лежит понимание человека как социально-исторического творческого существа, которое позволяет определять природу человеческого познания как активного, целенаправленного процесса отражения действительности. Идеальное есть субъективный образ объективной реальности. По характеристике Маркса, «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»².

Субъектом деятельности выступает не обожествленное мышление, а человек как природное и общественно-историческое существо, определяющей формой отношения которого к действительности является чувственно-предметная, практическая деятельность. Познавательная же активность субъекта может быть рационально понята лишь как сторона и продукт практического взаимодействия человеческого общества с природой.

В практике общественно-исторический субъект, преобразуя действительность и самого себя, относится к ней как к предмету деятельности. Поэтому человеческая история включает в себя также историю природы. Природа становится элементом социально-исторических связей. В процессе предметно-практической деятельности происходит очеловечивание природы, то есть образование такой искусственной среды, в которой кристаллизован опыт предшествующих поколений, обьективированы формы и способы ее освоения.

По отношению к отдельному человеку эта искусственно созданная природа, в которой материализованы формы общечеловеческой культуры, имеет совершенно независимое объективное существование. «Та сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общения, которую каждый индивид каждое поколение застают как нечто данное, есть реальная основа того, что философы представляли себе в виде «субстанции» и в виде «сущности человека».³

Лишь включенный в исторически сложившиеся (объективный) мир человеческой культуры, в систему социально-организованного опыта, социально-исторических связей, индивид становится носителем специфически человеческого отношения к действительности. Познание – лишь один из видов человечески-деятельного отношения к миру, – является социально-историческим процессом и раскрывается через категорию практики: «...существеннейшей и ближайшей

¹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1974. С. 183.

² Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Т. 1. М.: Политиздат, 1960. С. 21.

³ Там же. Т. 3. С. 37.

основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»¹.

На основе учета социальной природы познания в марксистской философии объясняется активный характер отражения, его исторический характер. «Маркс и Энгельс, – отмечает Э.В. Ильенков, – доказали, что логические формы и законы деятельности человека суть следствие (отражение) действительных, ни от какого мышления не зависящих законов предметно-практической деятельности – практики во всем ее объеме и развитии... Всеобщие законы изменения природы человеком это и есть всеобщие законы природы, в согласии с которыми человек только и может успешно ее изменять. Будучи осознанными, они и выступают как законы разума, как логические законы»². Логические схемы, формы, категории образуют тот общечеловеческий (объективный по отношению к отдельному индивиду) культурный потенциал, обьективированный в формах предметной культуры, способах деятельности, социальных формах, языке и т.п., который для каждого отдельного познающего субъекта выступает как предпосылка (возможность) опыта, хотя по своему происхождению он – результат исторического развития общества.

Согласно диалектико-материалистическому пониманию, разрыв содержания и формы – следствие их метафизической, антиисторической трактовки. Рассматривая мышление, законы логики как «...отражения объективного в субъективном сознании человека»³, философия диалектического материализма упраздняет всякую возможность гипостазирования логического содержания, возможность изолированного от живой деятельности социально – исторического существа и ее результатов существования особых логических сущностей, особого мира, кроме того, который устанавливается в науке и человеческой практике. Поэтому все формы логического мышления рассматриваются исключительно с точки зрения теории отражения.

Понятие, например, рассматривается не как абстрактно-общее знание «существенных признаков» объекта, не как конструкции рассудка и не как тождество мышления человека с абсолютным мышлением, а как восхождение от чувственно-конкретного к мысленно-конкретному отражению той или иной закономерности. Таковы вкратце основные принципы диалектико-материалистического понимания мышления, его содержания и форм, условий и коррелятов.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Т. 3. С. 545.

² Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1974. С. 209–210.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. М.: Полиздат, 1973. С. 165.

2.3. «ОЧЕВИДНОСТЬ» КАТЕГОРИЙ И ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Мы показали круг определенных принципов, которыми руководствовались советские философы при разработке проблем определения сущности категорий диалектики. Нужно сказать, что специальные исследования, посвященные этим проблемам, появились довольно поздно. Достаточно сказать, что первое более или менее специальное исследование диалектико-логических категорий представлено работой Чернова В.И. «Анализ философских понятий» 1968 год издания.

В последующее время объем публикаций, посвященных категориям, значительно вырос. Особенно интенсивно разрабатывались вопросы категориального анализа в Киеве (70-е – 80-е годы XX века). Уже сам по себе этот факт говорит о том, что потребность в диалектико-материалистической обработке представлений о категориях была в указанное время велика. Во многом это объясняется наличием множества противоречий в определении и использовании категорий.

Однако эти противоречия имеют давнюю историю и связаны с первыми попытками их материалистического осмысления в самом начале советской философии. Уже в первые годы советской власти философы-марксисты, пытаясь дать диалектико-материалистическое определение категориям, столкнулись со специфическими трудностями. На первый взгляд казалось достаточно просто, исходя из основного материалистического тезиса о первичности бытия, переосмыслить идеалистическую традицию в их определении. Но дело оказалось сложнее.

В первые годы Советской власти (собственно в 20-е годы) наиболее серьезные попытки по разработке философии марксизма принадлежат А. Деборину и его единомышленникам, объединенным вокруг журнала «Под знаменем марксизма».

А. Деборин в своей работе «Введение в философию диалектического материализма», изданной еще в 1916 году и трижды переиздававшейся в годы Советское власти, так определяет категории: «Категории, т.е. чистые универсальные понятия, как время, пространство, причинность, суть точки зрения диалектического материализма, с одной стороны логические определения, с другой стороны – реальные формы вещей»¹.

Именно таким путем, по мнению Деборина, возможно построение диалектического материализма и преодоление всех форм идеализма. В противоположность объективному идеализму, категории объявляются реальными формами самих вещей; в противоположность субъективному идеализму, категории объявляются как одни и те же формы, только один раз в объективной действительности (реальные формы вещей), а другой раз в мышлении (логические определения).

¹ Деборин А. Введение в философию диалектического материализма. М.: Соцэкгиз, 1931. С. 194.

Поэтому «...только благодаря объективной диалектике возможна субъективная диалектика. Какой смысл можно было бы связывать с диалектикой, как методом познания и исследования, если бы она не отражала объективной диалектики, если бы она не являлась выражением действительности в определенных научных понятиях? Очевидно, что метод познания в этом случае был бы оторван от реальной действительности, носил бы лишь субъективный характер, между тем как с точки зрения материализма метод является и должен являться аналогом действительности»¹.

Тем же способом объясняется универсальность категорий: «Признавая, что формы бытия – суть и формы созерцания, диалектический материализм устанавливает ту же строгость и всеобщность познания, которых Кант требовал лишь для феноменов и мира вещей. Безусловности и всеобщности познания диалектический материализм достигает тем, что формы он объявляет универсальными, объективно реальными созерцаниями».

Однако такой подход грешит известной долей созерцательности. Категории прямо и непосредственно оказываются совпадающими с формами бытия, которые являются как бы натуральными коррелятами категорий.

Сама попытка отождествления форм бытия и логических определений вызвала резкий отпор в среде советских философов. Уже в дискуссии 30-х годов позиция А. Деборина и его единомышленников была объявлена «меньшевистствующим идеализмом гегелевского типа». Так, в Большой Советской Энциклопедии т. 31, 1937 года издания, в статье В. Брушлинского «Категории» отмечается, что «меньшевистствующие идеалисты не проводили четкого различия между объективными закономерностями самой объективной действительности и категориями как человеческими понятиями, отражающими эти закономерности. В результате этой нечеткости в основном вопросе меньшевистствующие идеалисты скатывались к идеализму гегелевского типа»².

Что же противопоставляется деборинскому пониманию категорий? В той же Большой Советской Энциклопедии читаем: «категории (от греческого *categoria* – высказывание) – понятия, отражающие наиболее общие, основные объективные отношения, связи и закономерности действительности... С точки зрения материализма категории представляют собой отражение объективных законов, черт, сторон или моментов объективной действительности, существующей независимо от сознания... Будучи отражением наиболее общих определений действительности, категории являются абстрактными понятиями. Но это не пустые абстракции... не внешние субъективные формы, извне накладываемые на эмпирическое содержание... Они абстрактны в диалектико-материалистическом смысле слова»³.

¹ Деборин А. Диалектика и естествознание. М.: Соцэкгиз, 1930. С. 1.

² Брушлинский В. Категории // БСЭ. Т. 31. М.: Советская Энциклопедия, 1937. С. 749.

³ Там же. С. 746–748.

В Большой Советской Энциклопедии категории отличаются как субъективные человеческие понятия от объективных форм действительности, которые они отражают. Таким образом, категории как человеческие понятия могут и не совпадать с объективными формами. Как и всякие понятия, они лишь приблизительная копия действительности. У Деборина нет этого оттенка, хотя логические формы и «бессознательные формы действительности отождествляются им лишь в смысле объективности содержания категорий, соответствия их реальным определениям вещей самих по себе, и в этом смысле определение категорий у Деборина ничем не отличается от определения, данного в БСЭ. Более того, тот способ, посредством которого материалистически переосмысливаются категории, по существу, один и тот же.

Тем не менее, определение категории как понятий становится самым распространенным (если не сказать: единственным) вплоть до наших дней.

Почему в советской философии так остро встал вопрос о понятийной форме категории? Прежде всего – это дань традиции. Ведь представления о категориях как понятиях насчитывают около двух тысяч лет.

Другой причиной, по-видимому, является отсутствие специально разработанного учения о категориях у классиков марксизма. Тем более, что занятые борьбой с идеализмом всех толков и типов, классики марксизма акцентировали внимание на доказательстве того, что в последствии воспринималось как азы марксизма.

В-третьих, потому, что определением категорий как человеческих понятий удавалось резко отмежевываться от понимания их как самостоятельных сущностей, а также избегать грубо натуралистического представления о них. Однако дальнейшее использование такого представления о категориях для разработки общеполитических и методологических проблем столкнулось с такими апориями, решение которых потребовало отказаться от очевидности понятийной формы категорий и заняться исследованием путей логического определения понятия категории.

Прежде всего, возникло противоречие в определении категорий как наиболее общих понятий. Так, во втором издании БСЭ в 20 томе (1953) в определении категорий делаются прямые заключения от наибольшей общности и существенности связей, отражаемых философскими категориями, к наибольшей общности самих категорий. Это определение с небольшими поправками становится самым распространенным в советской философской литературе, а также в постсоветской вплоть до последнего времени.

«Во всей нашей литературе, – пишет Чернов В.И. в 1968 году, – в философских словарях, специальных статьях и книгах – философские категории определяются как понятия наибольшей общности»¹. «Когда речь идет об определении категорий, то обычно указывается, что категории – наиболее общие понятия», – замечает

¹ Чернов В.И. Анализ философских понятий. М.: Наука, 1968. С. 5.

П.В. Копнин¹. «В логике категориями признаются наиболее общие понятия»², – пишет Разин В.И.

М.М. Розенталь так определяет категории: «категориями называются основные понятия, отражающие наиболее общие и существенные стороны действительности, связи и отношения предметов»³. Отсюда он делает прямой вывод, что философские категории «...суть понятия наибольшей, предельной общности. Это категории всеобщности»⁴. Сама всеобщность категорий понимается как наибольшая общность, т.е. следующим образом: «Каждая из них (категорий – Ф.А.) обобщает такие стороны и связи явлений, моменты движения объективного мира, которые присущи всякому предмету, всякому процессу, к каким бы областям природы и общества они не относились»⁵.

Собственно, речь здесь идет о природе единства существенности и всеобщности в определении категорий. Отсутствие специального анализа природы этого единства приводило зачастую к отождествлению этих понятий, так что существенность сводилась к степени общности. Это послужило основанием, например, В.Ф. Асмусу для утверждения о «скудности» и «неопределенности мыслимых в категориях признаков»⁶.

Попытку разобраться в этом вопросе предпринял Тугаринов В.П. «Понятия вообще означают предметы, их свойства и отношения, имеющие место в объективной действительности. Философские категории есть понятия, обозначающие наиболее общие предметы, свойства, стороны и связи действительности».⁷

Однако, «за логической формой понятия стоит содержание. По содержанию своему, то есть по тому, что именно отражено в понятиях, многие философские категории представляют собой обозначения наиболее общих закономерных связей действительности»⁸. В ряде случаев, продолжает Тугаринов В.П., категории выражают «всеобщие существенные явления».

Указывая на расплывчатость определения категорий через всеобщность, Воронин Л.Г. считает, что философские понятия по своей гносеологической функции

¹ Копнин П.В. Дialeктика как логика и теория познания. М.: Наука, 1973. С. 87.

² Разин В.И. К вопросу о категориях исторического материализма // Вестник МГУ. 1978. № 5. С. 3.

³ Категории материалистической диалектики / под. ред. М.М. Розенталя. М.: Госполитиздат, 1956. С. 12.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Асмус В.Ф. Логика. М.: Госполитиздат, 1947. С. 61.

⁷ Тугаринов В.П. Соотношение категорий диалектического материализма. Л.: ЛГУ, 1956. С. 45.

⁸ Там же. С. 46.

и логической природе существенно различны и поэтому признак всеобщности не является для них обязательным¹.

Попов П.С. в предисловии к «Логике» Б. Фогораши отметил, что определение категорий как самых широких обобщающих понятий «не есть определение категорий диалектической логики»².

Таким образом, советская философская мысль в 50-е годы столкнулась с серьезными трудностями при попытке материалистического осмысления логической формы существования категорий. Пока вопрос о категориях поднимался в форме общего противопоставления материализма всем видам идеализма, все было ясно: категории не априорные формы мышления, а формы самой действительности, не идеальные сущности в самой действительности, а человеческие понятия, в которых отражаются всеобщие формы объективного мира.

Однако, когда перед советскими философами встал вопрос о содержательном материалистическом анализе логического мышления, то оказалось, что наличные определения категорий не только недостаточны, но и противоречивы. Прежде всего, если категории выступают в логической форме понятия, то чем они отличается от других понятий? Простое указание на их всеобщность требует объяснения: отношение между категориями и понятиями – объемное или содержательное?

Если отношение между ними объемное, т.е. категории просто наиболее общие понятия, то, что может соответствовать им в объективной действительности? Наиболее общие предметы, стороны, связи и т.п. действительности? Категории – это понятия, и, следовательно, должны отражать существенное. В этом случае категориям как понятиям будут соответствовать не просто «наиболее общие предметы», стороны, связи и т.п., а существенные стороны, связи и т.п. объективной действительности.

Но тогда мы приходим к необходимости содержательного различения категорий и понятий. Простое указание на наибольшую существенность предмета категориального отражения не решает вопроса. Поэтому встает проблема особенности категориального содержания. Эта проблема интенсивно разрабатывается в 60–70-е годы в русле общих проблем специфики философского и логического исследований, анализа природы единства диалектики, логики и теории познания, выделения принципов построения систематически понятой диалектической логики.

В соответствии с пониманием предмета философии, специфики философского знания, советских философов в 60–70-е года часто условно разделяют на две группы. Первая группа объединяет философов, выступавших за признание правомерности «онтологического», «субстанционально-субстратного» или «атрибутивного» подхода. В проблеме категорий такая общая позиция выражается в том, что

¹ Воронин Л.Г. О некоторых формах органической взаимосвязи категорий материалистической диалектики // Ученые записки ШГПИ. Т. 3. Вып. 1. Шахтинск: ШЛПИ, 1969. С. 11.

² Фогораши Б. Логика. М.: Иностранная литература, 1959. С. 23.

все логические характеристики категорий выводятся из модели объективной действительности.

Как замечает В.В. Ильин, «материалистическая онтология своей задачей считает изучение материального бытия... не материальный мир вообще, во всех его аспектах, а всеобщее, всеобщие моменты, атрибуты, закономерности материи... построение атрибутивной модели материального объекта»¹. В силу этого, содержанием философских категорий являются атрибуты субстанционально-определенной материи. Их гносеологическая функция состоит в том, что они служат общим определением того, что подлежит познанию в изучаемых объектах действительности.

Таким образом, в категориях философии как понятиях отражены объект-объектные отношения, а философия имеет наряду с физической, химической и прочими естественными науками свой объект познания в материальной действительности – материальную действительность как таковую. Атрибутивная модель материального мира получается в итоге обобщения частных наук, по отношению к которым философская наука – знание о всеобщем.

Но категории являются также и формами мышления. В силу этого, категории отражают субъект-объектные отношения, однако их познавательная функция должна постоянно корректироваться той объектной или «предметной» информацией, которая в них содержится. Как замечает М. Шарипов, «философские категории не только отражают объективный мир, но и отражают закономерности этого отражения в мышлении человека. В этом отношении их можно назвать категориями о категориях (понятиях). В этом и заключается существенное отличие философских категорий»².

Но почему они отражают такие закономерности мышления – серьезно не аргументируется. По существу, указанная позиция, отталкиваясь от понятийной формы категорий, приходит к неразрешимым апориям. Если в категориях как понятиях отражается объект-объектные отношения и именно этим определяется их роль в познании, то невозможно установить сколько-нибудь серьезный критерий различения диалектико-логических категорий и естественнонаучных, например. Но это только одна сторона.

Если категории – результат обобщения частных наук и являются не абстрактно, а конкретно всеобщими понятиями, то они должны глубже, чем конкретные науки, отражать объективную действительность. Но это противоречит исходным

¹ *Ильин В.В.* Соотношение онтологического содержания и гносеологических функций философских категорий // Проблемы философии и методологии современного естествознания. М.: Наука, 1973. С. 277.

² *Шарипов М.* Категории как всеобщие формы отражения действительности // Проблемы материалистической диалектики. Материалы научно-теоретической конференции. Май, 1974 г. М., 1974. Вып. 4. С. 73.

принципам диалектического материализма, согласно которым не существует иного научного познания, например, природы, кроме естественнонаучного.

Осознание этой апории толкает исследователей на путь поиска особого объекта категориального отражения.

Противоположная позиция, наиболее ясно выраженная в работах Э.В. Ильенкова, четко очерчивается особым пониманием ленинского указания о единстве логики, диалектики и теории познания. «...Логика, – пишет Э.В. Ильенков, – искусственно обособленная от диалектики, неизбежно превращается в описание чисто субъективных приемов и операций, т.е. форм действий, зависящих от воли и сознания людей, от особенностей материала, а потому перестает быть объективной наукой. Диалектика же, противопоставленная процессу развития знаний (мышления) в виде учения о «мире в целом», в виде «мировой схематики» столь же неизбежно превращается в набор чрезвычайно общих утверждений обо все на свете и ни о чем в частности (вроде того, что «все в природе и обществе взаимно связано», что «все развивается» и даже «через противоречия» и т.д.)»¹.

Поэтому «... будучи наукой о всеобщих формах и закономерностях, в рамках которых протекает любой – как объективный, так и субъективный – процесс, логика представляет собой строго очерченную систему специальных понятий (логических категорий), отражающих последовательно пробегаемые стадии («ступеньки») становления любого конкретного целого (соответственно процесса его духовно-теоретической репродукции)»².

Таким образом, логические характеристики категорий не выводятся из объективной модели действительности, они получают свое объяснение лишь в движении самого логического содержания по освоению действительности. В них отражается становление знания о предмете в единстве со становлением самого предмета познания, единство, обеспечиваемое реальным движением социально-исторического процесса.

«Логические категории, – пишет Э.В. Ильенков, – суть ступеньки (шаги) познания, развертывающего объект в его необходимости, в естественной последовательности фаз его собственного становления». Следовательно, познание категорий есть одновременно познание законов мышления в их связи с законами развития всех материальных объектов.

Отмеченная философская позиция, наиболее ясно высказанная Э.В. Ильенковым, часто называется «гносеологизмом»³ (т.е. стремлением свести философскую деятельность к логико-гносеологическому анализу) в понимании марксистско-ленинской философии. В этой позиции жестко обозначен источник продуктивности философского знания – логико-гносеологический аспект анализа истории

¹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. С. 229.

² Там же. С. 229–230.

³ Там же. С. 230–231.

духовной и материальной культуры человечества, в контекст которого включены результаты, полученные современной наукой и практикой.

Однако здесь не подвергается специальному анализу качественное своеобразие объективного содержания логических понятий. Если в категориях отражены всеобщие, универсальные законы развития природы, общества и мышления, то почему мы не можем представить их как результат познания объективной действительности наряду с другими нефилософскими видами познания ее, например, физического, экономического и т.п.?

В категориях как понятиях, отражающих объективную действительность, образно выражена схема деятельности ученого-теоретика (например, в составе любой физической теории можно обнаружить определенную онтологию, которая имплицитно содержится в объективированном представлении о физической реальности, а также определенные утверждения о природе сознания). В этой схеме возможно (и не бесполезно) разделение логики на объективную (диалектика как онтология), субъективную (логика как учение о формах объективного отражения), и выделение гносеологического аспекта (соотношение онтологии и логики).

Указанные противоречия породили ряд попыток преодолеть «онто-гносеологический» подход. Так, например, широкое распространение в 60-70-е годы получил подход к философским проблемам, называемый обычно деятельностью. В рамках названного подхода пытаются подвести реальные основания под логико-гносеологические проблемы, разрабатываются важные положения марксизма относительно роли практики в объяснении природы мышления.

Прежде всего, не познание вообще, не абстрактный «родовой» индивид как инстанция чистого сознания (самосознания) выступает истинным субъектом познания, а общество. «Ни природа сама по себе в качестве объекта знания, ни человеческая психика (способность отражения) не дают ответа на вопрос о природе категорий. Необходимо посредствующее звено, без которого все решение о категориях повисает в воздухе. Ведь объект сам по себе не научает мышлению»¹. В то же время законы и формы мысли не заключены в субъекте как таковом и не извлекаются на свет посредством самосознания. Следовательно, категории необходимо должны быть представлены в качестве синтеза содержания и формы, теоретического образа, возникающего не на стыке различных реальностей – сознания и его объекта, но как образ своеобразной природно-человеческой реальности – материальной практической деятельности.

Именно в этой реальности предметное содержание выступает внутренней необходимостью для субъекта, в качестве своей собственной формы, в виде логического»². Или, как отмечает В.Н. Сагатовский, «категории являются

¹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. С. 232.

² Проблемы диалектической логики: материалы к симпозиуму. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 116.

отражением ступеней деятельности, универсальных способов и этапов освоения субъектом объекта»¹.

Практически в деятельностном подходе поставлен вопрос об объективном основании анализа логических форм, где таким основанием анализа выступает не рефлексирующее на собственные содержания мышление, а его субстанция – предметно-практическая деятельность. Формы теоретической деятельности конструируются как идеальные выражения форм предметно-практической деятельности общественного существа. Универсальность категорий объясняется универсальностью практики.

В самом деле, что представляет собой логическая форма, имеющая объективное значение или содержание? Тот факт, что научные определения при их логическом анализе выступают как логические определения, часто дает повод для отождествления конкретно-научных (выражающих объект-объектные отношения) и логических (выражающих субъект-объектные отношения) определений.

Отсюда приходят попытки непосредственного соотнесения логической категории с формами объективной действительности. Между тем, как показано в деятельностном подходе, такое соотнесение опосредовано уровнем практической освоенности действительности.

Так как категории при всех известных подходах (в том числе в деятельностном) понимаются как понятия, то они должны выражать объективные отношения. Обычное (собственно относящееся к естественнонаучным понятиям) понимание объективных отношений, отражаемых понятиями, состоит в указании на объект-объектные отношения. Но категории как понятия отражают также и субъект-объективные отношения. Это противоречие в определении содержания категорий снимается в деятельностном подходе тем, что гносеологическое противопоставление субъекта и объекта выводится в сферу предметных отношений между ними – в практику. Это возможно, когда субъектом познания выступает общество в целом, объектом – практически освоенная действительность, а отношением – конкретно-исторический уровень практической деятельности.

Категории, таким образом, являются не отражением натуральной действительности, а образом форм практического взаимодействия субъекта и объекта. Однако этот факт должен быть логически осознан. В противном случае вполне уместны такие странные замечания: «Связь законов логики с практикой никем сомнению не подвергается. Вопрос ставится в следующей плоскости: отражают ли законы и формы мышления отношения и связи объективной действительности, или же они являются отражением (выражением) самой практической деятельности человека и ее результатов?»².

¹ Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск: ТГУ, 1973. С. 103.

² Оруджев З.М., Мостовая Н.Ф. Практика и проблема всеобщих и необходимых логических связей // Вестник МГУ. 1976. № 5. С. 3.

Но поскольку категории и в деятельностном подходе мыслятся как понятия, выйти из этого противоречия не удастся. По существу, последовательное развитие каждой из изложенных позиций (при сохранении толкования категорий как понятий) ведет, примерно, к такому изображению категорий, какое дается в работе Чернова В.И. «Анализ философских понятий»¹.

В этом труде автор пытается установить соответствие в определении категорий между признаками «всеобщее» и «существенное». Он считает, что всеобщность категорий нельзя трактовать как наибольшую или предельную общность, показывая, что с точки зрения формальной логики можно доказать большую общность нефилософских понятий по сравнению с общепризнанными философскими категориями. Так, мы определяем философские категории через понятия универсальной связи вещей и явлений. Но связи бывают не только универсальные. Следовательно, философские категории отражают лишь один вид связей. Но это значит, что понятие связи является больше общим, чем понятие всеобщей связи, частным видом которых и являются все философские категории.

Всеобщность категорий, понимаемая как отражение свойства, присущего всем явлениям, ведет к еще большим курьезам. Как отмечается в статье Б.В. Ахлибинского и Е.К. Чечельницкой «О сущности философских категорий и методах раскрытия их содержания», всеобщность сознания, например, в указанном смысле означала бы, что все вещи и явления обладают сознанием² (правда, само это замечание – не меньший курьез).

В силу этого ряд авторов подчеркивает, что проблема определения категорий вообще не может решаться на пути применения логических операций. «В этом случае остается лишь один путь для определения категорий, состоящий в том, что устанавливается определенное отношение между ними, которое и выполняет роль определения»³, – отмечается в той же статье. Таким образом, определение логической формы «существования» категорий заменяется определением конкретного содержания конкретных категорий.

Всеобщность категорий объясняется, по мнению В.И. Чернова тем, что философские категории являются существенными определениями бытия. Причем, не бытия «вообще» вне всякого сопоставления с мышлением, а бытия как объективного существования, бытия как противоположности сознанию.

Категории – конкретные существенные определения бытия «вещей», «связей», «предметов» вне нашего сознания. Сами же философские понятия, например «вещь», «свойство», «отношение» – абстрактные выражения бытия, выступающие объектом категориальных определений.

¹ Чернов В.И. Анализ философских понятий. М.: Наука, 1968. С. 76.

² Ахлибинский Б.В., Чечельницкая Е.К. О сущности философских категорий и методах раскрытия их содержания // Ученые записки. 1973. Т. 132. С. 27.

³ Чернов В.И. Указ. соч. С. 31–32.

Таким образом, критерием качественного, а не количественного (по признаку большей-меньшей общности) различения философских категорий и философских понятий является мера существенности в отражении бытия. Но этого недостаточно. Чернов В.И. прекрасно понимает, что пока категории будут рассматриваться только лишь со стороны их логической формы существования в наличном знании, то есть в качестве понятий, отличие их от других понятий, а следовательно, и логическое определение оказывается невозможным.

«Философские категории, – пишет Чернов В.И., – вопреки существующим определениям их являются, прежде всего, формами мышления, которые в понятиях выражаются лишь в концентрированной форме. Поэтому различие между категориальными и некатегориальными понятиями предстает перед нами прежде всего как различие форм мышления... Если в философских категориях видеть только понятия, то к указанному различию категориальных и некатегориальных отношений в сфере самой философии нет никаких дорог»¹.

Хотя в рамках концепции, предложенной Черновым В.И., к указанному различению «нет никаких дорог», тем не менее, им подводится своеобразный итог попыткам определения понятия категорий. Этому мешает «очевидность» логической формы категории. Поэтому все попытки материалистического переосмысления традиционных представлений о категориях не шли дальше установления внешнего соответствия их принципам диалектического материализма. И хотя нельзя отрицать многие позитивные моменты в разработке учения о категориях, тем не менее, все это совершается как бы в превращенной форме. Материализм в этом вопросе, по существу, лишь постулируется, а не доказывается.

2.4. КАТЕГОРИИ И ПОНЯТИЯ. «ПРЕВРАЩЕННАЯ» ФОРМА КАТЕГОРИЙ

Историко-философский анализ традиции понимания категорий как понятий показал, что в ее основании лежит «превращенная» форма их обнаружения.

До сих пор мы обращали внимание, главным образом, на негативные моменты использования категорий в логической «оболочке» понятия для философских построений. В откровенно-идеалистической позиции такое представление тесно связано с гипостазированием логических отношений. В материалистической философии категории либо вообще объявлялись фикциями (домарксовский материализм), либо определялись как особые понятия, что ведет, в конечном итоге, к противоречию с исходными принципами материалистического анализа мышления (например, в советской философии).

¹ Чернов В.И. Анализ философских понятий. М.: Наука, 1968. С. 4.

Но сейчас перед нами стоят вопросы:

- если категории не понятия, то, что же это;
- пусть категории не понятия, но ведь несомненен тот факт, что знание о них существует в форме понятия и иначе существовать не может;
- какое содержание заключено в «категориальных» понятиях, и какое отношение имеет логическая форма категорий к логической форме понятия (если это не одно и то же).

Решение этих вопросов позволит нам подвести итог проделанной работе и ясно представить себе условия научно-философского определения категорий.

Анализ условий, при которых категории необходимо становится объектом познания, а также роль их в философском и логическом построениях доказывает, что образование категорий – не простой процесс абстрагирования (хотя и сопровождается им). Категории в таком их обнаружении выступают моментами сложного процесса становления человеческого мышления как особого рода деятельности, цель которой – теоретическое (то есть осознанное, опосредствованное) построение идеального образа объективной действительности.

Категории – независимые от субъективной осознанности формы обнаружения бытия, следование которым наполняет мышление предметным (шире – объективным) смыслом, позволяет мышлению отдавать себе отчет в действительности (объективности) своих содержаний.

Этот смысл категорий, согласующийся с условиями обнаружения их, указывает также на особенности их происхождения, связанные со становлением научно-теоретического способа освоения действительности. Не случайно, поэтому, сознание категорий как особого рода предметности связано с философией Аристотеля, в которой был подведен итог попыткам создания рационализированной картины мира в античной культуре.

Мышление определяется Аристотелем содержательно, как речь о сути конкретного предмета. Здесь возникают проблемы:

- соотнесение конкретного предмета и его рода (единичное и общее в бытии);
- общего значения слов и их конкретного содержания в речи о предмете (общее и единичное в познании);
- условия доказательной логической связи суждений о сути бытия предмета, то есть условия синтеза осмысленных высказываний (создание словесно-логического образа предмета).

Во всех трех случаях он наталкивается на такие своеобразные предметности, которые называет категориями. Однако здесь мы наблюдаем ограниченную форму анализа мышления, как «высказывающего» мышления (то есть не в его всеобщей форме, как теоретического мышления). Оно определяется просто как род бытия – «говорящее» бытие. В силу этого категории – обнаружения предметно-вещественного сущего и в этом смысле – объективного, которое придает всякому отвлечению смысловую направленность, связывая его с предметно-вещественным содержанием знания.

Низкий уровень гносеологичности философских и логических построений, а потому и теории связан здесь с неразвитой абстракцией мышления, что является отражением ограниченной формы разделения умственного и физического труда.

Социальная функция интеллектуальной деятельности определяется в античности особой ролью речи как фактора социальной жизни. Мышление как особого рода деятельность выступает первоначально в форме речевой деятельности или речевого мышления. Речь, свободная от непосредственных ситуаций, где слово становится посредником в социальной организации людей (писанные законы государства, отделение их от сакральной формы мифологии и культа, публичные выступления) становится носителем мышления, отделенного от других видов деятельности. Появление социальных условий для особого рода жизнедеятельности («философской», «созерцательной», т.е. теоретической), где основным занятием выступает «созерцание» и «поучение», закрепляет возможность специализированной интеллектуальной деятельности.

Чувственно-наглядное мышление неразрывно связано с другими видами человеческого отношения к действительности, которые существуют как нерасчлененное единство, как жизнедеятельность. Здесь нет необходимости в выделении категорий как особых форм, поскольку нет и мышления как особого рода деятельности.

Разделение умственного и физического труда, таким образом, знаменует собой появление мышления как особого рода деятельности и, тем самым, – необходимость выделения категорий как особых форм мышления.

Мы уже подвергали анализу суть неоплатонической интерпретации категорий, которая заключалась в смешении проблемы родов и проблемы категорий. Все множество бытовых и научных значений термина «категория» («рубрика», «класс», «универсалия», «целое» и т.п.) имеет своим источником неоплатонизм.

Проблема категорий для неоплатоников и всей последующей традиции оставалась лишь потому, что категориям был приписан божественный, или порождающий смысл. Однако с этой откровенно идеалистической позицией связано важнейшее завоевание философской и логической мысли, отражающее новый этап в становлении теоретического мышления. Категории рассматриваются здесь как совокупность определений, т.е. логических условий теоретического воспроизведения действительности. Они не просто обнаружения бытия в высказывающем мышлении независимо от самого мышления. Бытие обнаруживается при его мыслительном воспроизведении, как необходимый ряд определений самой мысли, координированный между собой таким образом, что является как бы действующей моделью бытия, или логическим (теоретическим) образом его.

У неоплатоников, как и у последующих объективных идеалистов, такой «образ» отрывался от человеческого мышления и превращался в демиурга действительности. Но если у Плотина в категориях как определениях мысли создается логический образ предметно-вещественного мира (что отражало факт неразвитой теории), то у Канта и, особенно у Гегеля, в категориальных определениях

создается действительность со стороны ее законов. Это придает ей характер самодостаточности и, в конечном счете, субстанциональности.

Кант, сводя теоретическое содержание наук к логической форме, оставляет, тем самым, в качестве их содержания лишь эмпирию. Этим Кант доказывает только то, что логическое содержание является отражением не объект-объектных отношений, а субъект-объектных. Поскольку предметом такого отражения является логическая форма обнаружения объективной действительности, постольку это форма самой действительности, которая, однако, устанавливается только в человеческой деятельности.

Категории у Канта берутся в логической форме понятия, но обладание ими освобождается от претензии на сверхопытное познание, а тем самым, на особый предмет познания в объективной действительности помимо науки. Их реальность ограничена человеческим познанием и деятельностью. Объективная действительность не различается отдельно на причину и следствие, чтобы потом связываться во взаимодействии – это все моменты человеческой деятельности. Тем самым, Кант предупреждает против натурализации категорий.

Обычно заслугу Гегеля видят в том, что он, в противовес субъективной философии Канта, рассмотрел категории как формы самого бытия. И это действительно так. Но бытие, обнаруживающееся в качестве содержания категориальных определений, в философии Гегеля есть логический образ, или лишь способ теоретической деятельности. Весь путь понятийной трактовки категорий убедительно доказывает, что содержанием категорий, мыслимых как определения бытия, является лишь логическое содержание, то есть образ мысленного действия с предметами, при котором удастся выразить действительность как объективную, независящую от нашего сознания. Поэтому все попытки построения материалистической модели объективной реальности имеют лишь тот смысл, что сфера субъект-объектных отношений (логическое содержание) рассматривается как сфера объект-объектных отношений. Такого рода онтология обладает, конечно, достоинством наглядности, но затушевывает логический характер подобных построений.

Категории, взятые в понятийной форме, – логический образ объективной действительности, отражающий образ мыслительной деятельности и который (при условии адекватного отражения) может стать образом действия в развитой теории, как принцип научного построения объекта.

Поэтому категории – способ мыслительной деятельности по овладению материальной действительности. Их бытие есть бытие формы. Реально это проявляется в определенной связи элементов мысли, при которых структура мыслительной деятельности отображает объективную действительность как самобытную, как самодвижение, как объективную, то есть выражает ее научно.

Категории есть обнаружение материального мира, прежде всего, не в понятиях и иных формах знания, а в самом способе деятельности мысли по овладению объектами. Эти способы могут и не фиксироваться в понятиях как особых формах знания. Они действуют без сознательного узнавания их.

Поэтому категории и выступают в человеческом мышлении как независимые от субъективной осознанности моменты единства субъективного и объективного. Знание о них и логически и исторически вторично.

Это знание позволяет мышлению строить опосредованную картину действительности, где категории могут выступить в качестве принципов, то есть сознательно планируемых действий познания.

В этом случае знание о категориях выступает как методологическая программа, но такая методология возможна лишь на уровне философской рефлексии и сама по себе еще не объясняет особенностей действия категорий на уровне не философского, а, скажем, естественно-научного познания. Здесь категории неразделимы со способами конкретно-научного отражения объекта.

Мы часто говорим: функции категорий, роль категорий, смешивая при этом знание о категориях, выступающее в качестве принципов методологической программы, с самими категориями, как формами мышления.

В результате категории, взятые сами по себе, выступают как самостоятельные сущности, неведь откуда взявшиеся и существующие в этой их самостоятельности. Однако, надо иметь в виду, что словесно выраженные категории или, точнее говоря, обладание словами, имеющими категориальное значение, вовсе не значит еще обладание соответствующими категориями как особыми формами мышления.

Категории в их самостоятельности существуют лишь в виде знания о них. В живой деятельности познания они обнаруживаются лишь как определенная связь элементов мысли, которая корректируется условиями воспроизведения объекта в форме мысли, создания мысленно-конкретного образа действительности.

Способ такой деятельности может выявить себя или сделаться доступным сознанию лишь в результате этой деятельности как определенная связь характеристик созданного образа. Таким образом, способ деятельности выступает как сторона самого предмета, которой имеется соответствующее определение, то есть как расчлененное, уже оформленное содержание мышления.

В этом содержании уже имеется возможность выделить категориальную определенность именно как определенность (как зафиксированный способ деятельности) в форме понятия. При этом и словесно и логически способ мыслительной деятельности (категории) ничем не будет отличаться от других определений. Так, например, «качество» и логически и словесно обозначает некоторую самостоятельную определенность, внешне ничем не отличающуюся от таких определений, как: «человек», «стол» и т.п.

Если категории оставлять в этой их определенности, зафиксированной формой понятия, то нет никакой возможности рационального объяснения связи такой абстракции с конкретно-существующим миром, а также с мысленно-конкретными понятиями об этом мире. Здесь мы стоим перед необходимостью различения познания категорий и категорий познания. Этим начинается положительное исследование категорий, где они рассматриваются как объект познания. Понятия о категориях – копия, а не оригинал действительных форм мышления.

Мы обладаем категориями не потому, что имеем понятие о них, а потому, что способны строить понятие об объективной действительности. По существу, спор идет не о том, чем отличаются категории от понятий, а о том, чем отличаются понятия, отражающие категории, от всех других понятий.

Смещение «категориальных» понятий и категорий как форм мышления обнаруживает «превращенную» форму исследования их, где категории, как особого рода предметность, движутся по логике, отражающей предметности (форма понятия), имеющей свои законы.

Этим и объясняется «странное поведение» категориальных понятий, которые формально от других понятий не отличаются. Они подвергаются тем же логическим операциям: делению, определению, ограничению и т.д.; могут вступать в определенные отношения по объему. Однако, при этом теряется их категориальный смысл. И задача, поэтому, состоит в том, чтобы за понятийной формой выражения категорий различать их как особые (непонятийные) формы мышления.

Категории участвуют в построении знания не как понятия, а как способ связи элементов мысли, обуславливающий понятийную форму овладения действительностью. Будучи выявленными и осознанными в понятиях, категории выступают как методологическая программа построения знания.

Осуществление этой методологической программы не может происходить путем подведения под категориальные понятия конкретно-научных понятий. Категории должны стать принципами исследования, то есть найти выражение в структуре самой конкретно-научной теории.

Следовательно, они должны снова перейти из формы понятия в категориальную форму мышления. Методологическая значимость категорий может быть доказана лишь при условии построения научной модели конкретной действительности, то есть в конкретно-научном исследовании. Материализм в теории не означает ничего другого, как научное воспроизведение средствами самой этой теории объекта исследования.

Таким образом, понятия о категориях («категориальные понятия») отражают способы существования бытия вне мышления, обнаруживающиеся в способах существования бытия в мышлении, то есть способы познавательной деятельности по мыслительному овладению объективной действительностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный нами критический анализ категорий как понятий на материале истории категориальных учений имел своей целью выявить условия научно-философского определения их сущности.

Мы исходили из современного в философской литературе представления о категориях как понятиях, или из того, что мы условно обозначали как понятие «категория». Это самое общее определение категории не безобидно. Оно влечет за собой целый ряд продуктивных схем и способов расчленения объектов философского знания, устанавливает характер философского исследования.

Как было показано, итог становления советской и постсоветской, а также зарубежной философии приводит к необходимости различать философские категории и философские понятия, логические и общеполитические категории и тому подобные моменты, связанные с логической формой существования категорий. Однако прояснение этих вопросов сопряжено со специфическими трудностями, которые можно было бы сравнить с попыткой решить задачу, где известен ответ, но неизвестно решение. Современное же состояние проблемы научного познания категорий напоминает попытки найти решение задачи путем анализа готового ответа. Не претендуя на решение задачи, мы все же рискнули выяснить ее условия и указать, тем самым, пути ее решения.

Итогом проделанного исследования является необходимость различения категорий и понятий как разных форм мышления. Положительное исследование категорий начинается там, где они рассматриваются как объект познания. Будучи способами теоретической деятельности, категории обнаруживаются, прежде всего, в ее результатах, как совокупность логических определений объекта познания; выступают как стороны самого этого объекта. Отсюда возможность их выражения в языковых и логических универсалиях.

Анализ этих универсалий показывает, что их содержание выражает не конкретный предметный смысл, а лишь способ мыслительной деятельности, благодаря которому оказывается возможным воспроизведение объективной действительности в человеческом мышлении.

Являясь отражением принадлежащего самому материальному миру свойства существовать независимо от человека (как саморазвивающейся тотальности), а также способа, каким этот материальный мир обнаруживается в мышлении, категории выступают как всеобщее и конкретное содержание мышления и бытия.

Теперь становится ясно, что путаница вокруг вопроса о том, чем отличаются категории материалистической диалектики от категорий и понятий конкретных наук, могут ли общенаучные понятия стать философскими категориями, чем отличаются философские категории от философских понятий и, в конечном итоге,

чем отличаются категории от понятий вообще, имеет в своей основе отождествление понятий, отражающих категории, и самих категорий.

Прежде всего, анализ истории категориальных учений убедительно доказывает, что под именем «категории» и с исторической и с логической точки зрения выступают особые формы мышления, обеспечивающие теоретический характер его. Смещение категорий с предикабиями является истоком многозначности этого термина. В современном словоупотреблении термин «категория» выступает в таких значениях, как: рубрика, род, класс, тип, несводимый элемент целого, универсалия, основное понятие и т.п., благодаря чему оказалось возможным применение его во всех областях человеческого знания. Из-за этого, как правило, смазывается принципиальное различие между категориями диалектики и «основными», «фундаментальными», «общенаучными» и другими понятиями.

Словесные фетиши заслоняют здесь собственно категориальные формы. В этом смысле безразлично, каким словом мы обозначаем ту или иную категорию, важно, чтобы оно выражало действительную форму мышления, как определенную ступень в создании теоретического образа объекта.

Речь идет о различении категориальных понятий и других, а не категорий и понятий. Критерий же категориальности того или иного понятия – обозначаемая им форма мышления (категория). Количество и определенность этих форм ограничивается условиями выработки целостного теоретического аналога объекта. Выражаясь в понятии (которое по своей логической форме требует полноты мыслительного образа), отдельная категория, как ступень становления понятия, неизбежно выступает «тощей» абстракцией по отношению к определяемому предмету.

Лишь совокупность всех ступеней перехода от незнания к знанию, от абстрактного к конкретному, от «предметного» к объективному, то есть, лишь весь ряд категорий делает понятие собственно понятием или научно-теоретической моделью конкретного предмета или предметных отношений и связей. Поэтому границы категориального ряда четко обозначены: между абстрактным содержанием мышления и конкретным, между чувственно-наглядным образом и научно-теоретическим образом (понятием).

Следовательно, появление так называемых новых категорий не означает ничего другого, как уточнение старых.

Однако определение понятия категорий вовсе не сводится к вопросу об отличении их от других понятий – это лишь условие определения. Определение категорий связано, прежде всего, с анализом становления научной формы знания. История появления категорий, рассмотренная через призму истории обнаружения их в человеческом мышлении, как сознательно выделенной предметности, является в логически очищенном виде образом системно понятой диалектической логики, создание которой тесно связано с определением понятия «категория». Важность этой задачи обоснована во введении, что избавляет нас от необходимости говорить об этом еще раз.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Августин Блаженный*. Против академиков. Об истинной религии. Теологический трактат. Минск: Харвест, 1999. 1600 с.
2. *Автономова Н.* Деррида и грамματοлогия // Деррида Ж. О грамματοлогии. М., 2000. 520 с.
3. *Анахт Д.* Анализ «Введения» Порфирия. М.: Мысль, 1975. 262 с.
4. *Анисов А.М.* Типы существования // Вопросы философии. 2001. №7. С. 100–112.
5. *Аристотель*. Аналитики: Первая и вторая // Соч. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 684 с.
6. *Аристотель*. Категории // Соч. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 684 с.
7. *Аристотель*. Метафизика // Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1978. 613 с.
8. *Аристотель*. Об истолковании // Соч. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 684 с.
9. *Аристотель*. О душе // Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1978. 613 с.
10. *Аристотель*. Топика // Соч. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 684 с.
11. *Аристотель*. Физика // Соч. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1978. 830 с.
12. *Аскин Е.Ф.* Современный детерминизм. Саратов, 1975. 188 с.
13. *Арсеньев А.С., Библер В.С., Кедров Б.М.* Анализ развивающегося понятия. М.: Наука, 1967. 444 с.
14. *Асмус В.Ф.* Античная философия. 3-е изд. М.: Высшая школа, 2001. 400 с.
15. *Асмус В.Ф.* Метафизика Аристотеля // Аристотель. Соч. В 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 1. 613 с.
16. *Ахлибинский Б.В., Чечельницкая Е.К.* О сущности философских категорий и методах раскрытия их содержания // Уч. записки Перм. гос. ун-та. 1973. Т. 132. С. 33–37.
17. *Ахманов А.С.* Логическое учение Аристотеля. М.: Соцэкгиз, 1960. 316 с.
18. *Балашов Л.Е.* Мир глазами философа (Категориальная картина мира). М., 1997. 148 с.
19. *Баиляр Г.* Материя и форма. Вода и грезы. Опыт о воображении материи. М., 1998. 268 с.
20. *Баиляр Г.* Новый рационализм. М.: Прогресс, 1987. 374 с.
21. *Бенвенист Э.* Категории мысли и категории языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
22. *Берков В.Ф.* Вопрос как форма мысли. Минск, 1972. 135 с.
23. *Библер В.С.* О системе категорий диалектической логики. Сталинабад: Тадж.ГУ, 1958. 155 с.
24. *Блонский П.П.* Философия Плотина. М.: Либроком, 2016. 374 с.

25. *Бозций*. Комментарий к Порфирию, им самим переведенному // Бозций. Утешение философией и другие трактаты. М., Наука, 1990. 415 с.
26. *Брушлинский В.* Категории // БСЭ. Т. 31. М.: Советская энциклопедия, 1937.
27. *Буданов В.Г.* Когнитивная психология и когнитивная физика. О величии и тщетности языка событий // Событие и смысл (Синергетический опыт языка). М., 1999. 279 с.
28. *Васильев С.А.* Категории мышления и языковые структуры // Логико-философский анализ понятийного аппарата науки. Киев: Наукова думка, 1980. 228 с.
29. *Воронин Л.Г.* О некоторых формах логической взаимосвязи категорий материалистической диалектики // Ученые записки ШГПИ. Т. 3. Вып. 1. С. 157–173.
30. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
31. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. В трех книгах. Спб.: Наука, 1993–1994. 352; 432; 584 с.
32. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 501 с.
33. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. Т. 2. М.: Мысль, 1971. 248 с.
34. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. Т. 3. М.: Мысль, 1972. 371 с.
35. *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет. М.: Мысль, 1971. 209 с.
36. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. М.: Академический проект, 2014. 494 с.
37. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
38. *Голованов В.Н.* Гносеологическая природа законов науки. М.: Мысль, 1967. 96 с.
39. *Горништейн Т.Н.* Философия Николая Гартмана. (Критический анализ основных проблем онтологии). Л.: Наука, 1969. 280 с.
40. *Горский Д.П.* Вопросы абстракции и образования понятий. М.: АН СССР, 1961. 35 с.
41. *Грифцова И.Н.* Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о формальной и неформальной логике. М., 1998. 152 с.
42. *Губин В.Д.* Онтология. Проблема бытия в современной европейской философии. М., 1998. 188 с.
43. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. 1. СПб, 1909. 224 с.
44. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2001. 316 с.
45. *Дамаский Диадокх.* О первоначалах. СПб, 2000. 1022 с.
46. *Деборин А.* Введение в философию диалектического материализма. М.–Л: Соцэкгиз, 1931. 376 с.
47. *Деборин А.* Диалектика и естествознание. М.–Л.: Соцэкгиз, 1930. 354 с.
48. *Делез Ж.* Фуко. М.: Изд-во гуманит. лит., 1998. 171 с.
49. *Деррида Ж.* О грамματοлогии. М., 2000. 512 с.
50. *Деррида Ж.* Поля философии. М.: Академический проект, 2012. 376 с.

51. *Джохадзе Д.В.* Диалектика Аристотеля. М.: Наука, 1971. 296 с.
52. *Джохадзе Д.В.* Диалектика эллинистического периода. М.: Высшая школа, 1979. 126 с.
53. Диалектика и логика научного познания: Материалы совещания по современным проблемам материалистической диалектики (7–9 апреля 1965 г.). М.: Наука, 1966. 430 с.
54. Диалектический материализм – методологическая основа теоретического естествознания. Киев: Наукова думка, 1976. 396 с.
55. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 624 с.
56. *Долинин К.А.* Интерпретация. М., 1985. 304 с.
57. *Зотов А.Ф.* Структура научного мышления. М., Политиздат, 1973. 182 с.
58. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. 320 с.
59. *Ильин В.В.* Соотношение онтологического содержания и гносеологических функций философских категорий // Проблемы философии и методологии современного естествознания. М.: Наука, 1973. 448 с.
60. История античной диалектики / под ред. Дынник М.А. и др. М.: Мысль, 1972. 337 с.
61. *Каган М.С.* Метаморфозы бытия и небытия // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 52–67.
62. *Кант И.* Прологомены. М.: Академический проект, 2008. 174 с.
63. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Эксмо, 1998. 656 с.
64. *Кассирер Э.* Познание и действительность. СПб, 1912. 400 с.
65. Категории диалектики как ступени познания / под ред. Шептулина А.П. М.: Наука, 1971. 252 с.
66. Категории материалистической диалектики / под ред. Розенталя М.М. и Штракса Г.М. М.: Госполитиздат, 1956. 392 с.
67. *Книгин А.Н.* Философские проблемы сознания. Томск, 1999. 338 с.
68. *Книгин А.Н.* Учение о категориях. М., 2005. 185 с.
69. *Конкин М.И.* Проблема формирования и развития философских категорий. М.: Высшая школа, 1980. 246 с.
70. *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. М.: Мысль, 1974. 568 с.
71. *Копнин П.В.* Диалектика как логика и теория познания. М.: Наука, 1973. 324 с.
72. *Копнин П.В.* Философские идеи В.И. Ленина и логика. М.: Наука, 1969. 484 с.
73. *Кохановский В.П.* Историзм как принцип диалектической логики. Ростов н/Д: РГУ, 1978. 159 с.
74. *Крымский С.Б.* Научное знание и принципы его трансформации. Киев: Наукова думка, 1974. 207 с.

75. *Крымский С.Б.* Логико-гносеологический анализ универсальных категорий // Логико-гносеологические исследования категориального строя мышления. Киев, 1980. 339 с.
76. *Крымский С.Б.* Системы знания и проблема их категориальной определенности // Логико-философский анализ понятийного аппарата науки. Киев: Наукова думка, 1977. 228 с.
77. *Куайн У.* Вещи и их место в теориях // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998. С. 302–342.
78. *Кузьмин В.Ф.* Объективное и субъективное. М., 1977. 216 с.
79. *Кумпф Ф., Оруджев З.* Диалектическая логика: основные принципы и проблемы. М.: Политиздат, 1979. 286 с.
80. *Кураев В.И.* Диалектика содержательного и формального в научном познании. М.: Наука, 1977. 160 с.
81. *Кюнг Г.* Онтология и логический анализ языка. М., 1999. 240 с.
82. *Лосев А.Ф.* Категории // Философская энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 472–474.
83. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм. 384 с.
84. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 29. Философские тетради. 783 с.
85. *Лобанов С.Д.* Бытие и реальность. М., 1998. 153 с.
86. Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления. Киев: Наукова думка, 1980. 340 с.
87. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 672 с.
88. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980. 766 с.
89. *Лукреций Тит Кар.* О природе вещей. М.: Академия наук СССР, 1958. 260 с.
90. *Маилов А., Хасанов М.* Философские категории и познание. Ташкент: Узбекистан, 1974. 163 с.
91. *Мамардашвили М.К.* Формы и содержание мышления. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.
92. *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
93. *Маритен Ж.* Философ в мире. М., 1994. 192 с.
94. *Маркс К.* Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов). Т. 12. С. 709–738.
95. *Маркс К.* Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии». Т. 19. С. 369–399.
96. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Политиздат, 1930. 523 с.
97. *Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 5–9.

98. *Маркс К.* Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 65–185.
99. *Маркс К.* Письмо П.В. Анненкову 28 декабря 1846 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., Т. 27. С. 401–412.
100. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов. Ч. 1–2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. 879 с.
101. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 41–174.
102. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 7–544.
103. *Мегрелидзе К.* Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси: Мецниереба, 1973. 441 с.
104. Методологические функции философских категорий: межвуз. науч. сб. / редкол.: Я.Ф. Аскин (отв. ред.) [и др.]. Саратов: Саратовский университет, 1989. 149 с.
105. *Науменко Л.К.* Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата: Наука, 1968. 327 с.
106. *Огурцов А. П.* Категории. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. 692 с.
107. *Петрици И.* Рассмотрение платоновской философии и Прокла Диадоха. Тбилиси: Техника да Ирома, 1942. 251 с.
108. *Петров М.К.* Язык и категориальные структуры // Науковедение и история культуры. Ростов н/Д: РТУ, 1973. 111 с.
109. *Петров Н.М.* Начала содержательной логики // Категории. Философский журнал. 1997. № 1. С. 22–41.
110. *Петров Ю.А.* Логическая функция категорий диалектики. М.: Высшая школа, 1972. 272 с.
111. *Платон.* Соч. В 3 т. Т. 1. М.: Мысль; 1970. 860 с.
112. *Платон.* Соч. В 3 т. Т. 2. М.: Мысль; 1970. 528 с.
113. *Платон.* Соч. В 3 т. Т. 2. М.: Мысль; 1970. 461 с.
114. *Порфирий.* Введение к «Категориям» Аристотеля // Аристотель. Категории. М.: Соцэкгиз, 1939. С. 51–76.
115. Проблемы материалистической диалектики: материалы научно-теоретической конференции (май, 1974 г.). М.: Наука, 1975. 282 с.
116. *Пузиков П.Д.* Понятия и их определения. Минск; Наука, 1970. 71 с.
117. *Рабуни В.* Анализ «Категорий» Аристотеля. Ереван: Акад. наук Армянской ССР, 1967. 262 с.
118. *Разин В.И.* К вопросу о категориях исторического материализма // Вестник МГУ. Сер. Философия. 1978. № 5. С. 3–11.
119. *Райл Г.* Категории // Понятие сознания. М., 2000. 408 с.
120. *Рассел Б.* История западной философии. М.: Иностранная литература, 1959. 509 с.

121. *Риккерт Г.* Граница естественно-научного образования понятий / пер. с нем. СПб.: Наука, 1997. 532 с.
122. *Розенталь М.М.* Принципы диалектической логики. М.: Соцэкгиз, 1955. 428 с.
123. *Сагатовский В.Н.* Основы систематизации всеобщих категорий. Томск: Томский государственный университет, 1973. 326 с.
124. *Сартр Ж.П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М., 2000. 639 с.
125. *Секст Эмпирик.* Соч. Т. 1. М., 1975. 347 с.
126. *Тренделенбург А.* Логические исследования. М.: Солдатенков, 1868. 374 с.
127. *Уемов А.И.* Вещи, свойства и отношения. М., 1963. 184 с.
128. *Федорищенко А.И.* Категориальное учение И. Канта. Категории как логические понятия и формы мышления // Социальные изменения. Ценности. Духовность: сб. науч. тр. Ростов н/Д, 2002. С. 186–199.
129. *Федорищенко А.И.* Категории как логическая реальность // Проблема человека в гуманитарном знании: сб. науч. тр. Ростов н/Д: РИО Российской таможенной академии, 2004. С. 55–62.
130. *Федорищенко А.И.* Понятие «категория» (диалектико-материалистический анализ историко-философской традиции): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1981. 24 с.
131. *Федорищенко А.И.* Понятия и категории в философии Аристотеля // Академический вестник РТА. 2003. № 1. С. 77–81.
132. *Федорищенко А.И.* Стоики и неоплатоники как преемники категориального учения Аристотеля // Философия. Общество. Культура: сб. науч. тр. Ростов н/Д: РИО Российской таможенной академии, 2001. С. 208–217.
133. *Философский словарь* / под ред. М.М. Розенталя. М.: Политическая литература, 1975. 495 с.
134. *Фогораши Б.* Логика / пер. со 2-го авториз. нем. изд. М.: Иностранная литература, 1959. 707 с.
135. *Философия Гегеля и современность.* М.: Мысль, 1973. 432 с.
136. *Философия Канта и современность.* М.: Мысль, 1974. 469 с.
137. *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1980. 590 с.
138. *Фуко М.* Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
139. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-cad, 1994. 404 с.
140. *Целлер Э.* История греческой философии / пер. М.И. Каринского. Пб., 1886. 333 с.
141. *Чанышев А.Н.* Трактат о небытии // Категории. Философский журнал. 1997. № 2. С. 4–14.
142. *Чанышев А.Н.* Философия древнего мира (история философии). М.: Высшая школа, 2003. 703 с.

143. *Черкесов В.И.* Материалистическая диалектика как логика и теория познания. М.: Изд-во Московского университета, 1962. 480 с.
144. *Чернов В.И.* Анализ философских понятий. М.: Наука, 1968.
145. *Чернов В.И.* Значение всеобщих понятий в структуре философского мышления: дис. ... д-ра филос. наук. Минск, 1969. 216 с.
146. *Чупахин И.Я.* Методологические проблемы теории понятия. Л.: Ленинградский государственный университет, 1973. 104 с.
147. *Шандор П.* О логике Аристотеля. Budapest: Studia Philosophica Academiae scientiarum hungaricae, 1961. 182 с.
148. *Шарипов М.* Категории как всеобщие формы отражения действительности // Проблемы материалистической диалектики: материалы научно-теоретической конференции (май, 1974). М., 1975. Вып. 4. С. 70–76.
149. *Шеллинг Ф.В.И.* Система трансцендентального идеализма. Л.: Соцэкгиз, 1936. 480 с.
150. *Шентулин А.П.* Категории диалектики. М.: Высшая школа, 1971. 278 с.
151. *Шинкарук В.И.* Логика, диалектика и теория познания Гегеля. Киев: Киевский государственный университет, 1964. 295 с.
152. *Шинкарук В.И.* Единство диалектики, логики и теории познания: Введение в диалектическую логику. Киев: Наукова думка, 1977. 368 с.
153. *Шинкарук В.И.* Теория познания, логика и диалектика И. Канта. Киев: Наукова думка, 1974. 336 с.
154. *Эмпирик Секст.* Соч. В 2 т. М.: Мысль, 1976. 399 с.
155. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 5–343.
156. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 339–626.
157. *Эпиктет.* Основания стоицизма / пер. с греч. СПб., 1888. 16 с.
158. *Berka K.* Aristoteles. Praha: Orbis, 1966.
159. *Berka K.* Über einige Probleme der Interpretation der Aristotelischen Kategorienlehre. Budapest, 1960.
160. *Bonitz H.* Index Aristotelicus. Berlin, 1955.
161. *Brandis Chr.* Handbuch der Geschichte der griechisch-römischen Philosophie Bd I-III. Berlin: Reiner, 1835.
162. *Brentano F.* Kategorienlehren. Leipzig: Verlag von Felix Meiner, 1933.
163. *Brentano F.* Von der mannigfachen des Seienden nach Aristoteles. Freiburg: im Breisgau, Herder, 1862.
164. *Cohen H.* Kants Theorie der Erfahrung. B., 1871.
165. *Dal In.* Lasks Kategorienlehre in Verhältnis zu Kants Philosophie. Hamburg: W. Gente, 1926.
166. *Erdmann B.* Logische elementarlehre. Bd. 1–2. Aufl. Halle, 1907.

167. *Hartman Ed.* Kategorienlehre. Bd I. Leipzig: Verlag von Felix Meiner, 1923.
168. *Hartman N.* Der Aufbau der realen Welt. Berlin: Walter de Gruyter & co., 1940.
169. *Hartman N.* Möglichkeit und Wirklichkeit. Berlin: Walter de Gruyter & co, 1938.
170. *Hartman N.* Neue Wege der Ontologie. In: Systematische Philosophie, herausgegeben von Nikolai Hartmann. Schtuttgart – Berlin, 1942.
171. *Hartman N.* Zur Grundlegung der Ontologie. Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter & co, 1935.
172. *Heidegger* Die Kategorien und Bedeutungslehre des Duns Scotus. Tübingen: J.B.C. Mohr, 1916.
173. *Historisches Wörterbuch* der Philosophie. Herausgegeben von Joachim Ritter und Karlfried Grunder. Bd. 4: J-K. Schtuttgart: Schwabe & co. Verlag. Basel, 1920.
174. *Husserl Ed.* Logische Untersuchungen. Niemeyer, 1900.
175. *Jaeger W.* Aristoteles Grundlegung eine geschrechte seiner Entwicklung. Berlin: Weidmann, 1923.
176. *Kafka G.* Aristoteles. Munchen: Reinhard, 1922.
177. *Lask E.* Die Logik Der Philosophie und die Kategorienlehre. Eine Studie uber den Herrschaftderich der logischen Form. Tübingen: Verlag von J.G. Mohr, 1911.
178. *Lotze H.* Sustem der Philosophie. 2-te Aufl. Bd 1–2. Leipzig; S. Hirzel, 1880.
179. *Natorp P.* Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. 2-te Aufl. Leipzig, 1921.
180. *Prantl C.* Geschichte der Logik im Abendlande Bd I. Darmstadt, 1955.
181. *Rickert H.* Die Probleme der Geschichtsphilosophie. 3-te Aufl. Heidelberg, 1924.
182. *Spann O.* Kategorienlehre. Jena: Fischer, 1939.
183. *Trendelenburg A.* Geschichte Beiträge zur Philosophie. Berlin: Verlag von G. Bethge, 1846.
184. *Trendelenburg A.* Geschichte der Kategorienlehre. Berlin: Verlag von G. Bethge, 1846.
185. *Ueberweg F.* System die Logik und Geschichte der Logishen Lehre, 5-te Aufl. Bonn: Bei Adolf Markus, 1882.
186. *Weisse C.H.* Grundzüge der Metaphüsik. Hamburg, 1835.
187. *Windelband W.* Geschichte und Naturwissenschaft. 2-te Aufl. Strassburg, 1900.
188. *Zeller Ed.* Die Philosophie der Greichen. Leipzig, 1923.
189. *Zeller Ed.* Grundriss der Geschichte der griechlichen Philosophie. Leipzig, Reisland, 1914.

Научное издание

Алексей Иванович ФЕДОРИЩЕНКО

ПОНЯТИЕ «КАТЕГОРИЯ»
В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ
ТРАДИЦИИ

Монография

Издано в авторской редакции

Компьютерная верстка

Н.В. Байковой

Дизайн обложки

Е.А. Аносовой

Подписано в печать 11.08.2016 г.
Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 7,15.
Тираж 500 экз. (1-й завод – 1–40 экз.).
Изд. № 045. Заказ № 059

РИО Российской таможенной академии,
140009, г. Люберцы Московской обл.,
Комсомольский пр., 4.